18+

КОФЕ в осеннем СЕУЛЕ

АНЯ ДАЛЬ

Аня Даль

Кофе в осеннем Сеуле

«Издательские решения»

Даль А.

Кофе в осеннем Сеуле / А. Даль — «Издательские решения»,

О том, что она девушка известного корейского актёра, Аня узнаёт от директора его агентства. А ведь она всего лишь попросила красивого незнакомца подержать кофе.Ей тридцать четыре. Дома ждут двое детей и бывший муж, который надеется её вернуть. Иджун уже строит планы на них обоих. Они объясняются через переводчик, а целуются так, что всё труднее помнить об обратном билете.«Через тринадцать дней ты улетишь. Отношения останутся».

© Даль А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 31
Глава 5 40
Глава 6 48
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Кофе в осеннем Сеуле

Аня Даль

© Аня Даль, 2026

ISBN 978-5-0071-6685-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

На паспортном контроле Аня окончательно перестала понимать, который час.

Телефон показывал половину третьего дня. Организм требовал закончить раннее утро, начавшееся ещё в самолёте над Китаем, нормальной кроватью. Юля рядом держалась так, будто пересадка, бессонная ночь и четыре часа в пекинском аэропорту входили в обязательную подготовку к встрече с мечтой.

— Улыбнись, — шепнула она, когда Аня приложила пальцы к сканеру.

— Кому?

— Корее. Ты наконец в Корее.

Сотрудник за стеклом поднял голову. Аня улыбнулась ему, получила паспорт и отошла к Юле.

— Всё, — объявила та уже за стойками контроля. — Теперь официально. Двадцать дней.

— Девятнадцать с половиной. Один у нас уже украли самолёты.

— Не начинай считать.

Аня не собиралась. Она копила на эту поездку почти два года и слишком долго выбирала между ней и десятком разумных трат, чтобы с первых минут думать об обратном билете. Но дата возвращения сидела в голове крепко: восьмое ноября, вечерний рейс, потом пересадка, Москва и ещё дорога до дома. Девятого утром Антон должен был уехать по работе, а Лизе предстояла контрольная по алгебре, к которой она пока готовилась исключительно обещаниями.

В зоне прилёта Юля первой нашла магазин с транспортными картами. Пока она пыталась объяснить продавцу, сколько денег они хотят положить на две карты, Аня стояла возле чемоданов и смотрела сквозь стеклянную стену на ровные полосы дороги, автобусы и серое небо. Инчхон оказался огромным, чистым и почти бесшумным. От этого пока не верилось, что за аэропортом существует город, который она столько раз видела на экране.

— Держи. — Юля протянула ей карту с нарисованным медведем. — И не потеряй. Здесь на ней вся жизнь.

— Я уже боюсь спросить, сколько она стоит.

— Не переводи в рубли.

Это правило они установили ещё дома. Оно перестало работать в первом же магазине.

В обычном поезде AREX было тепло. Чемоданы удалось поставить у перегородки, места нашлись рядом, и Юля почти сразу открыла сохранённый маршрут. На экране шли цветные линии, названия станций и пояснения, которые Аня не успевала читать.

— До Кондока, там переходим на пятую линию, потом Чонно-самга. Семь минут пешком.

— Ты сейчас словами говоришь или просто называешь набор букв?

— Это станции.

— Я пока верю тебе на слово.

— Ты говорила десять.

— Это с чемоданами.

— У нас есть чемоданы.

— Тогда двенадцать.

За окном тянулись ограждения, развязки, одинаковые дома, пустые участки земли. Первые минуты Аня ждала, что город возникнет сразу и узнаваемо: стеклянные башни, мост, река, вывески, музыка, что-нибудь, что подтвердит — они добрались. Вместо этого поезд останавливался у платформ, люди входили, садились, смотрели в телефоны. Девушка напротив поставила между кроссовками пакет с зелёным луком. Мужчина у двери уснул стоя, прижавшись плечом к поручню.

— Пока похоже на электричку, — сказала Аня.

Юля оторвалась от карты.

— Ты ещё аэропорт не покинула толком.

— Я не жалуюсь. Просто сообщаю.

Телефон завибрировал. Лиза прислала фотографию брата, спящего поперёк Аниной кровати, и подпись: «Мы уже заняли твою комнату».

Аня приблизила снимок. Миша лежал поверх покрывала в носках, рядом валялась открытая тетрадь. На втором плане виднелась рука Антона с кружкой.

«Пусть хотя бы носки снимет», — написала она.

Лиза ответила почти сразу: «Ты даже из Кореи проверяешь его носки?»

Аня улыбнулась и убрала телефон. Юля следила за ней.

— Всё нормально?

— Они счастливы. Уже захватили мою кровать.

— Значит, можно отдыхать.

— В теории.

На пересадке теория закончилась. Они дважды прошли мимо нужного указателя, спустились не к той платформе, вернулись, пропустили поезд и обнаружили, что чемодан Юли перестал нормально поворачивать одним колесом. В Чонно они выбрали выход без лифта. К тому моменту, когда Аня вытащила чемодан на последнюю ступень, бежевое трикотажное платье прилипло к спине, куртка висела на локте, а первое впечатление от Сеула состояло из чужих ног, кафельных переходов и бесконечных лестниц.

На улице пахло жареным тестом, выхлопами и чем-то рыбным. По узкой дороге между низкими домами проехал скутер, заставив их прижаться к стене. Над головой висели провода. У тротуара стояли пакеты с мусором, за прозрачным пластиком угадывались стаканы, коробки и остатки еды. За ними поднималась стеклянная башня, поймавшая в фасад тусклое октябрьское солнце.

Юля посмотрела на карту, повернула телефон, оглянулась.

— Нам туда.

— Ты уверена?

— Да.

Через тридцать метров она остановилась и развернулась.

— Нам обратно.

Аня засмеялась первой. После суток дороги, лестницы и рыбного запаха это оказалось проще, чем расстраиваться.

Хостел скрывался за прачечной и магазином, где в пластиковых тазах лежали овощи. На фотографии при бронировании вход был украшен гирляндой. В действительности гирлянда висела, только днём не горела, а синюю дверь подпирала коробка с бутылками.

За стойкой сидела молодая девушка. Юля назвала бронь, получила ключ-карту и выслушала длинное объяснение на английском. Аня уловила «завтрак», «кухня» и «после одиннадцати», кивнула вместе с подругой и дождалась, пока они поднимутся на третий этаж.

— Что после одиннадцати? — спросила она.

— Вход только по карте.

— А ты поняла?

— Конечно.

— Или догадалась?

— Аня, мы добрались. Не придирайся к мелочам.

Их номер был размером с хорошую кладовку. Две узкие кровати стояли почти вплотную, между ними помещалась тумба, занятая электрическим чайником. Чемодан можно было

открыть только у двери, перегородив проход. В ванной душ висел прямо над раковиной, и после него мокрым должно было стать всё, включая унитаз и рулон бумаги.

Юля осторожно села на кровать.

— На фотографиях он выглядел больше.

— Там снимали от потолка.

Аня открыла окно. В комнату сразу вошли голоса с улицы, шум посуды и запах еды из расположенного внизу ресторана.

— Зато есть окно, — сказала Юля.

— Зато мы можем разговаривать, не вставая с кроватей.

— И вещи друг другу передавать.

— Не шевеля рукой.

Они снова рассмеялись. Юля упала спиной на подушку, Аня поставила чемодан вертикально и вытащила зарядку. Уснуть хотелось до боли, но дома было ещё утро. Она набрала детей.

Лиза ответила с третьего гудка. На экране сначала появился потолок, потом половина её лица.

— Покажи комнату.

— Сначала здравствуйте, мама, как ты долетела.

— Я тебе уже писала. Покажи.

Аня повернула телефон. Юля помахала с соседней кровати. Лиза внимательно рассмотрела стены, окно и расстояние между кроватями.

— Вы за это деньги заплатили?

— Очень поддерживающий вопрос.

В кадр влез Миша.

— А улицу покажешь?

— Вечером. У вас уроки сделаны?

Оба исчезли.

Антон забрал телефон и сообщил, что всё под контролем. За его спиной Лиза отнимала у брата подушку, Миша кричал, что первым её взял, а на кухне что-то настойчиво пищало.

— Я вижу, — сказала Аня.

— Иди гуляй. Мы разберёмся.

Она знала, что разберутся. Именно поэтому смогла уехать. Всё равно после звонка несколько минут сидела у окна, слушала чужую улицу и чувствовала, как далеко остались дети.

Антон сам предложил пожить с ними все двадцать дней. После измены, которая закончила их брак, он хватался за любую возможность доказать, что стал другим. В его заботе о детях было и настоящее отцовство, и упрямое ожидание, что однажды Аня это оценит. Она оценивала. Возвращаться всё равно не собиралась.

Юля поднялась.

— Если мы сейчас ляжем, проснёмся ночью. Душ, кофе и хотя бы один круг рядом.

— Я уже выпила три кофе.

— Поэтому четвёртый ничего не изменит.

Через час они вышли в город без чемоданов. Это сразу улучшило Сеул.

Аня повесила фотоаппарат через плечо. После дороги ей хотелось смотреть на город не через экран телефона.

За углом обнаружился переулок с низкими домами ханок, деревянными дверями, тёплыми фонарями и маленькими кафе. Между крышами тянулись провода, у стен стояли внешние блоки кондиционеров, а пройти спокойно не получалось: люди останавливались для фотографий, отходили назад, снова вставали в кадр. Юля нашла здание, в котором снимали сцену из дорамы, и расстроилась, потому что вместо знакомой вывески теперь висела другая.

— Они всё испортили, — сказала она.

Аня заглянула в окно. За стеклом девушка раскладывала пирожные на поднос.

— Владельцы даже не подозревают.

— Здесь была важнейшая сцена.

— А теперь важнейшие эклеры.

Юля посмотрела сердито, потом не выдержала и улыбнулась.

Они дошли до Чхонгечхона, спустились к воде и несколько минут просто шли рядом. Между камней шумел неглубокий поток, внизу было прохладнее, чем на улицах. Над ними проносились автобусы, мигали экраны, люди спешили по мостам. Аня остановилась, чтобы снять отражение красной вывески в воде. По красной полосе прошла длинная человеческая тень. Лица в кадре не было, только шаг над водой, и Аня оставила фотографию именно из-за этого движения.

Сеул пока не соглашался быть красивым целиком. Он показывал один выверенный угол, затем подсовывал железную дверь, мокрый асфальт, мусорные пакеты и старую стену. Аня ловила себя на разочаровании, а через минуту снова останавливалась, потому что между домами вдруг открывался кусок горы или над крышей появлялся край дворца.

Они поужинали в маленьком заведении, где заказ пришлось показывать пальцем на фотографии. Юля уверенно произнесла несколько корейских слов, официантка ответила целой фразой, и уверенность закончилась. Аня выбрала блюдо, которое выглядело безопасно, и уже после первой ложки поняла, что красный цвет здесь не украшение.

— Не острое, говорила ты.

— Я сказала «кажется, не очень острое».

— Я перестала чувствовать губы.

Официантка принесла им воду, не дожидаясь просьбы. Аня поблагодарила по-русски, потом вспомнила выученное слово. Женщина улыбнулась.

На обратной дороге Юля купила в круглосуточном магазине йогурт, Аня — кофе в бутылке. До хостела они дошли уже в темноте. Гирлянда над синей дверью загорелась, и вход наконец стал похож на фотографию.

Перед сном Юля открыла план на завтра.

— Сначала Сонсу. Кафе открывается в десять. Потом Сеульский лес, оттуда можно…

— Зачем нам к открытию?

Юля посмотрела так, будто вопрос оскорбил всю поездку.

— Потому что иногда он приезжает утром.

— Кто?

— Иджун.

— А фамилия у него есть?

— Чха — это фамилия.

— Ты только что сказала Иджун.

— Потому что так его называют поклонники. Чха Иджун. Я тебе показывала.

— Тот, который играл адвоката?

— Принца. Адвоката играл Ким Сонхёк.

— Завтра покажешь ещё раз.

Юля закрыла глаза ладонью.

— Ты смотрела с ним три дорамы.

— Я смотрела истории. Актёры там каждый раз называются по-разному.

— Герои называются по-разному.

— Вот видишь, как всё сложно.

Юля долго ворчала, что некоторым людям не следует давать визы. Аня слушала её, лёжа на боку, и заснула раньше, чем подруга закончила перечислять роли Чха Иджуна.

* * *

Утром в Сонсу они приехали без четверти десять.

Аня проснулась в пять, час пыталась уснуть снова, потом сходила в душ и промочила рукав халата о стену. К восьми она уже успела поговорить с детьми, выпить растворимый кофе на общей кухне и выяснить, что Юля способна собираться молча только первые три минуты после пробуждения.

На Ане было мягкое бежевое платье ниже колен, плотные колготки, кроссовки и короткая светлая куртка. Волосы она собрала, но рыжие пряди всё равно выбивались у лица. Юля выбрала чёрные джинсы, толстовку и полчаса решала, нужна ли ей помада для случайной встречи с человеком, который почти наверняка не появится.

— Ты же понимаешь, что владельцы кафе обычно не стоят у кассы? — спросила Аня в метро.

— Он приезжает. Есть фотографии.

— Когда?

— В разные дни.

— Как часто?

— Неважно.

— Раз в год?

— Аня.

— Я просто оцениваю вероятность.

Юля достала телефон и снова показала фотографию Иджуна. На ней он стоял у стены в тёмном костюме, одной рукой поправлял часы и смотрел мимо камеры.

— Красивый, — согласилась Аня.

— Красивый? Это всё?

— А что ещё я должна сказать человеку на фотографии?

— Ты влюбилась в него в «Пока не погаснет луна».

— Я влюбилась в принца. Потом он умер, и я два дня на всех злилась.

— Иджун жив.

— Очень за него рада.

Юля убрала телефон. Женщина напротив них подняла взгляд от своей сумки, скользнула им по лицам и снова отвернулась. Аня наклонилась к подруге.

— Говори тише. Вдруг она понимает по-русски.

— Тогда пусть знает, что он жив.

Возле станции пахло кофе и хлебом, но через один поворот запах сменился резиной и клеем. За поднятыми металлическими воротами работали маленькие мастерские. На полках стояли колодки для обуви, у входа были сложены коробки, рядом мужчина в фартуке курил, глядя на проезжавший грузовик. Между старыми кирпичными зданиями появлялись витрины магазинов, зеркальные двери, временные павильоны и очереди к кафе.

— Вот это мне уже нравится, — сказала Аня.

— Мы ещё даже не пришли.

— Поэтому и нравится.

У небольшого окна возле перекрёстка продавали кофе навынос. Аня остановилась.

— Мы идём в кафе, — напомнила Юля.

— До него ещё восемь минут.

— По карте шесть.

— Тем более надо успеть.

Она купила большой американо, обожгла язык первым глотком и пошла дальше уже спокойнее. Юля по дороге рассказывала, что здание LAYERS раньше принадлежало типографии, что сестра Иджуна сама разрабатывает десерты и что на годовщину открытия он записал корот-

кое видео. Аня слушала вполуха, рассматривая стены, старые вывески и ярко-жёлтые листья молодого дерева во дворе обувной мастерской.

Кафе оказалось заметнее, чем она ожидала. Тёмный кирпич, высокие окна, светлая вывеска без фотографии владельца. За стеклом двигались люди, на первом этаже уже были заняты несколько столиков. У входа две девушки по очереди фотографировали друг друга с бумажными пакетами.

Юля ускорила шаг.

— Пойдём.

Аня остановилась у края здания. За ним, в узком проезде, мелькнуло голубое пятно.

— Ты иди. Я сейчас.

— Куда?

— Там дверь красивая.

— Мы приехали к кафе.

— Я вижу кафе. Оно никуда не денется.

Юля посмотрела в сторону входа, потом на Аню. Желание оказаться внутри победило.

— Только не потеряйся.

— Здесь одно здание.

Подруга уже не услышала. Она открыла стеклянную дверь и исчезла за ней.

Аня обошла угол.

За аккуратным фасадом проезд сразу становился теснее. По одной стороне тянулась кирпичная стена кафе с техническими дверями и трубами, по другой стоял старый одноэтажный дом. Голубая металлическая калитка облупилась по краям. Над ней склонилась ветка хурмы с тремя оранжевыми плодами. На стене, поджав лапы, сидел рыжий кот и смотрел вниз.

Аня поставила стакан на крышку невысокого электрического щита. Тот оказался покатым, кофе сразу поехал к краю. Она поймала его, прижала к груди и сняла крышку с объектива. Фотоаппарат висел на шее, ремень цеплялся за куртку, а одной рукой выставить кадр не получалось. Кот поднялся.

— Подожди, — попросила она.

Он выгнул спину и шагнул к ветке.

Возле служебной двери стоял мужчина. Аня заметила его ещё сразу, но он разговаривал по телефону и смотрел в сторону улицы. Теперь опустил руку и убрал мобильный в карман. Высокий, в тёмной куртке и чёрной кепке. Лицо открытое, чисто выбритое, слишком красивое для человека, которого собирались на две минуты превратить в держатель стакана.

Аня всё-таки подошла.

— Простите, пожалуйста. Можете подержать?

Мужчина посмотрел на неё, потом на протянутый кофе.

Она показала два пальца.

— Two minutes. Please.

— Two minutes? — переспросил он по-английски.

— Yes. Coffee. — Аня вложила стакан ему в руку. — Thank you.

Он не успел ни согласиться, ни отказаться. Аня уже вернулась к стене.

Кот добрался до ветки, понюхал хурму и остановился. Аня присела, чтобы голубая калитка заняла нижнюю часть кадра, убрала приближение, снова выставила фокус. За спиной что-то сказал мужчина. Она подняла ладонь, не оборачиваясь.

— Одну секунду. Не уходи, пожалуйста.

Кот повернул голову. Солнце, до этого скрытое между зданиями, коснулось его спины, прошло по рыжей шерсти и поцарапанной синей краске. Аня сделала несколько снимков. На последнем кот прыгнул на калитку, ветка качнулась, один лист опустился ему на хвост.

— Есть, — сказала она и выпрямилась.

Мужчина остался на месте. Стакан в его руке выглядел маленьким. Он смотрел на Аню с выражением, которое она не смогла разобрать: то ли злился, то ли едва сдерживал улыбку.

— Спасибо. Правда выручили.

Она протянула руку. Он не сразу отдал кофе.

— Good photo?

Аня поняла вопрос, открыла последний снимок на фотоаппарате и показала экран.

Мужчина приблизился. От него пахло холодным воздухом и чистой тканью, без тяжёлого парфюма. Он не взял фотоаппарат, только наклонился, всматриваясь в фотографию. Потом указал на здание кафе и спросил ещё что-то. Аня различила слова «cafe» и «picture».

— Фото кафе? — Она показала на фасад за углом. — No. Everybody photo cafe. This… — Английский закончился.

Она открыла Google Переводчик и набрала: «Кафе уже сфотографировали все. А эту дверь скоро могут перекрасить».

Перевод появился на английском. Мужчина прочитал, снова посмотрел на голубую калитку. Потом достал свой телефон, несколько раз коснулся экрана и повернул его к ней.

На русском было написано:

«Вы часто отдаёте напитки незнакомым мужчинам?»

Аня рассмеялась.

— Нет.

Она напечатала ответ:

«Только тем, кто стоит без дела рядом с хорошим кадром».

Он прочитал. Левый уголок его губ поднялся первым.

Телефон Ани зазвонил. На экране появилось имя Юли. Она сбросила звонок и забрала наконец стакан.

— Мне пора. Thank you.

Мужчина что-то спросил. Она покачала головой, показывая, что не поняла. Он снова поднял телефон, но из-за угла уже вылетела Юля.

— Аня, ты куда пропа… — Она оборвала фразу на середине.

Сначала посмотрела на мужчину. Потом на стакан в Аниной руке. Её рот приоткрылся, пальцы сжали ремень сумки.

— Что? — спросила Аня.

Юля ничего не ответила.

Мужчина явно услышал собственное имя раньше, чем Аня разобрала шёпот подруги.

— Чха Иджун, — повторила Юля. — Аня, это Чха Иджун.

Аня перевела взгляд на его лицо. Тёмные глаза, прямая линия бровей, едва заметный шрам слева. В памяти поверх кепки легли длинные волосы, вместо чёрной куртки появился светлый исторический костюм.

И только тогда она узнала глаза.

Глава 2

Менеджер опаздывал на четыре минуты.

Иджун успел ответить режиссёру, отказался переносить примерку на воскресенье, прослушал сообщение сестры о новой поставке кофе и уже собирался вернуться внутрь, когда незнакомая женщина протянула ему стакан.

Он решил, что она просит выбросить его. Затем услышал «two minutes», увидел два поднятых пальца и почему-то взял.

Женщина сразу отвернулась.

На ней было светлое платье, совсем не подходившее для пыльного проезда, и удобные белые кроссовки. Рыжие волосы она собрала небрежно: несколько прядей выбились и ложились на щёки, когда она наклонялась к фотоаппарату. Она не проверила, согласился ли он ждать. Не оглянулась, не попыталась рассмотреть его ещё раз. Отдала кофе и занялась котом.

Иджун посмотрел на логотип чужой кофейни на стакане. Сестра оскорбилась бы сильнее, чем если бы посетитель принёс внутрь свою еду.

Он мог поставить напиток у двери и уйти. Машина должна была подъехать с минуты на минуту, через сорок пять минут начинался грим, ночью снимали сложную сцену в кабинете министра. Вместо этого он остался.

Женщина разговаривала с котом на незнакомом языке. Одно слово, произнесённое мягко и требовательно, повторилось дважды. Похоже было на просьбу подождать. Только когда появилась её подруга и Иджун услышал несколько длинных фраз, он решил, что язык русский. Кот послушался лучше большинства людей на съёмочной площадке.

Когда она вернулась, её щёки порозовели от холода. Она улыбнулась ему так же свободно, как улыбалась бы сотруднику кафе или прохожему, подсказавшему дорогу. Иджун спросил о фотографии, больше из любопытства. Ожидал увидеть фасад LAYERS, вывеску или хотя бы часть здания.

На снимке была соседская калитка, ветка хурмы и старый кот, которого сестра подкармливала возле кухни.

Угол служебной двери в кадр не попал. Собственного рукава на маленьком экране он не заметил.

Ответ о том, что дверь могут перекрасить, задержал его ещё на минуту. Иджун видел эту калитку сотни раз. Он ругался из-за неё с владельцем дома, когда тот не разрешил расширить проезд, проходил мимо утром и ночью, ждал здесь машину. Ни разу не заметил, как оранжевая хурма висит над голубой краской.

Потом появилась вторая женщина и произнесла его имя.

Иджун сразу увидел узнавание. Расширившиеся глаза, задержавшееся дыхание, рука на ремне сумки. Таких реакций было достаточно, чтобы тело само выпрямилось, улыбка стала привычной, а взгляд нашёл ближайший выход.

Рыжая женщина не изменилась. Только присмотрелась внимательнее.

Подруга заговорила быстро. Иджун разобрал своё имя, название старой дорамы и слово, которое звучало похоже на «принц». Женщина снова посмотрела на него. Теперь дольше. Коснулась пальцами своей брови, будто сопоставляла линию шрама, затем тихо сказала что-то подруге.

— You know me? — спросил он.

Она помедлила и кивнула.

— Now.

Он не удержался от улыбки.

Вторая женщина прижала ладонь ко рту, потом заговорила по-английски:

— Sorry. She knows. She likes you very much.

Рыжая резко повернулась к ней.

— Юля.

— What? You like!

— Drama, — уточнила женщина для Иджуна и показала руками длинные волосы. — Prince. I like prince.

— Not me?

Вопрос вырвался раньше, чем он решил, стоит ли его задавать.

Она открыла переводчик. Несколько секунд набирала, перечитала, исправила одно слово и показала экран.

«Я не знала вас, чтобы вы мне нравились».

Иджун прочитал дважды.

За углом хлопнула дверца машины. Он посмотрел в сторону улицы. Джэсон наконец приехал, но ещё не видел его за зданием.

Подруга уже достала телефон. По тому, как она держала его обеими руками, Иджун понял просьбу до первых английских слов.

— No photo. Sorry.

Радость на её лице исчезла так быстро, что ему стало неловко. Он добавил медленнее:

— I'm filming today and I'm not camera-ready. And please don't post that you saw me here.

Она закивала.

— Yes. Of course. No post. Never.

Рыжая слушала, хмурясь. Поняла только часть, достала телефон, но Иджун уже сам набирал перевод. Он показал обеим:

«Сегодня нельзя фотографироваться. И не сообщайте в интернете, что видели меня здесь. Иначе сюда приедут люди».

Рыжая прочитала и кивнула без разочарования.

— Мы никому не скажем.

Переводчик передал её ответ. Потом она добавила ещё одну фразу:

«Кроме моих детей. Они всё равно не знают, кто вы».

Иджун поднял глаза.

— Children?

Она показала два пальца, как недавно, когда отдавала ему кофе.

— Two.

Вторая женщина снова сказала что-то по-русски. На этот раз рыжая ответила резко, и они несколько секунд спорили. Иджун не понял ни слова, но догадался, что подруга считала сведения о детях лишними.

Служебная дверь открылась. Суён выглянула наружу, увидела брата и сразу перевела взгляд на женщин.

— Ты собираешь встречу поклонников у мусорных баков?

Иджун ответил по-корейски:

— Они случайно.

— Конечно.

Сестра заметила стакан в руке женщины, прочитала название другой кофейни и посмотрела на него уже с настоящим упрёком.

— Ещё и с чужим кофе.

Рыжая следила за их разговором. Видимо, уловила направление взгляда, потому что прикрыла логотип ладонью.

Суён рассмеялась.

— Заведи их внутрь. Девушка сейчас упадёт.

Подруга действительно побледнела.

Иджун открыл дверь и жестом предложил войти. Рыжая не двинулась.

— Inside, — сказал он. — One minute.

Она посмотрела на подругу. Та уже шагнула к двери и теперь тянула её за рукав.

— Аня, пожалуйста.

Имя подошло ей сразу. Иджун повторил медленно:

— Anna?

Она повернулась.

— Да. Anna.

Он коснулся своей груди.

— I-jun.

Подруга издала тихий звук, похожий на стон.

Аня улыбнулась.

— Теперь запомню.

Переводчик оставался в её руке, и Иджун увидел английскую строку. Суён придерживала дверь, не скрывая интереса.

— Заходи уже, Иджун. Тебя ждут.

Он пропустил женщин вперёд.

Служебный коридор вёл мимо кухни к маленькой комнате, где Суён хранила документы и иногда заставляла брата есть между встречами. Пахло выпечкой, маслом и хурмой. На столе стояла тарелка с новым тартом, ради которого он и приехал. Рядом лежала папка, которую он так и не успел подписать.

Суён поставила ещё две чашки, налила воду и представилась на простом английском. Подруга ответила слишком быстро, перепутала слова, покраснела и назвала себя Юлией. Аня сделала глоток воды и огляделась. Её взгляд задержался на фотографии племянника, прикреплённой к пробковой доске, потом на стопке счетов, фартуке сестры и коробках у стены.

Она явно ожидала увидеть другое.

— This isn’t the beautiful part of the cafe, — сказал Иджун.

Аня поняла. Покачала головой, набрала ответ.

«Здесь интереснее. Видно, что кафе работает».

Суён прочитала перевод через его плечо и одобрительно кивнула.

— Мне она нравится.

— Ты с ней не разговаривала.

— Мне достаточно, что она принесла кофе конкурентов и заставила тебя его держать.

Иджун бросил на сестру взгляд. Суён отрезала два маленьких куска тарта и поставила перед гостьями.

— Gift, — сказала она.

Юля поблагодарила по-корейски. Аня сначала покачала головой, показала на уже купленный кофе, но Суён подвинула тарелку ближе.

— Try.

Тарт оказался удачным. Аня попробовала крем, потом тонкий слой хурмы, подняла большой палец и тут же открыла переводчик. Суён ждала с серьёзным лицом.

«Очень вкусно. Не слишком сладко. Я бы купила».

— Вот, — сказала Суён брату. — Нормальный отзыв. А не твоё «подойдёт».

Телефон Иджуна завибрировал. Джэсон звонил второй раз.

— Мне нужно ехать.

Он всё равно сел напротив Ани.

— Why Korea?

Она поняла вопрос, но ответить вслух не смогла. Печатала долго.

«Я хотела увидеть места, где снимают дорамы. Подруга знает всё про актёров. Я люблю истории, но не запоминаю имена».

Иджун посмотрел на Юлю. Та закивала и открыла на телефоне папку с сохранёнными адресами. Там были кафе, дворцы, набережные, станции, дома и несколько кадров из его дорам.

— Twenty days, — сказала Аня. — Korea. Twenty.

— Twenty days in Seoul?

Юля ответила по-английски, перечисляя города. Иджун понял Пусан, Кёнджу и остров Чеджу, затем она сбилась, снова открыла маршрут и начала показывать даты.

Аня отпила кофе и поморщилась. Напиток успел остыть.

— First day? — спросил он.

— Second. Yesterday airport.

Восемнадцать дней.

Джэсон постучал в служебную дверь. Теперь уже громко.

Иджун поднялся. Аня тоже сразу встала, словно ждала возможности освободить комнату. Он посмотрел на её телефон.

— Photo.

Она нахмурилась.

Он указал в сторону калитки и кота, затем на свой телефон.

— Send me. Please.

Суён перестала убирать нож. Юля замерла с вилкой в руке.

Аня спросила по-русски, зачем ему фотография. Переводчик справился.

Иджун напечатал:

«Я много лет вижу эту дверь и ни разу не видел её так».

Она перечитала. Выражение её лица изменилось едва заметно: исчезла настороженность, с которой она следила за каждым его движением после узнавания.

— KakaoTalk? — спросил он.

Юля закивала за двоих.

Аня открыла приложение, установленное перед поездкой и пока ни разу не использованное. Иджун показал QR-код своего второго аккаунта. Она отсканировала его. На экране появилось короткое имя — J — без фотографии.

— Don’t share it with anyone, please, — сказал он, показал на код и покачал головой.

Она снова воспользовалась переводчиком.

«Я не собираюсь продавать ваш контакт».

Фраза на английском прозвучала жёстче, чем её голос. Иджун ответил сразу:

«Я не думаю, что вы продадите. Я прошу не отдавать его подруге».

Аня прочитала и посмотрела на Юлю. Та уже поняла достаточно, чтобы возмутиться.

— Я вообще-то умею хранить секреты.

— Ты выучила расписание человека, с которым не знакома.

— Оно было опубликовано.

Суён тихо засмеялась. Иджун не понимал спор, но Аня улыбнулась, и напряжение ушло.

Он открыл дверь в коридор.

— Goodbye, Anna.

— До свидания, — ответила она по-русски, затем добавила: — Goodbye, I-jun.

Имя прозвучало непривычно. Она разделила его на два слога, внимательно, чтобы не ошибиться.

Джэсон ждал у выхода. Увидев женщин, он ничего не спросил, только посмотрел на Иджуна. Этого хватило.

— Они туристки, — сказал Иджун по-корейски.

— Я вижу.

— Одна сделала фотографию.

— И поэтому ты привёл обеих в служебную комнату?

Иджун надел маску и вышел первым.

— Мы опаздываем.

— Уже на одиннадцать минут.

Машина стояла у соседнего здания. Перед тем как сесть, Иджун обернулся. Аня вышла из служебной двери и сразу отошла в сторону, освобождая проход. Юля что-то говорила ей, размахивая руками. Аня слушала, пила холодный кофе и смотрела вслед машине.

Телефон в кармане оставался пустым.

* * *

— Ты понимаешь, что произошло? — спросила Юля, когда они вернулись в зал кафе.

— Ты получила бесплатный тарт.

— Он дал тебе свой KakaoTalk.

— Чтобы я отправила фотографию.

— Он мог попросить отправить её на страницу кафе.

Аня выбрала столик возле окна. Отсюда было видно вход, очередь и часть улицы. Всё снова выглядело обычно: бариста принимал заказ, девушки фотографировали десерты, мужчина у стены работал за ноутбуком.

— Может, это аккаунт для поклонников.

— Без имени, фотографии и единой публикации?

— Ты уже изучила?

Юля положила телефон экраном вниз.

— Я случайно посмотрела, когда ты добавляла.

— Конечно.

Аня открыла снимок голубой калитки на фотоаппарате. На большом экране он оказался лучше, чем ей показалось снаружи. Кот оказался на калитке, лист лежал на хвосте, оранжевые плоды светились над старой краской. В самом правом краю кадра осталась тёмная полоска чужого рукава.

Она перебросила фотографию в телефон и отправила контакту J. Потом написала по-русски: «Спасибо, что подержали кофе» — и перевела фразу на английский.

Сообщение было прочитано почти сразу.

Ответа не пришло.

Юля смотрела на её экран.

— Не дыши мне в телефон.

— Я не дышу.

— Ты сидишь через стол, а я чувствую.

Они заказали по чашке кофе уже в LAYERS, разделили ещё один десерт и почти час обсуждали встречу. Юля помнила каждое движение Иджуна. Аня — то, как он сначала не отдал стакан и как левый уголок его губ поднялся раньше правого.

— В жизни он строже, — сказала она.

— Он был без подготовки и спешил на съёмку.

— Я не сказала, что хуже.

Юля подозрительно прищурилась.

— Значит, всё-таки понравился?

— Я пять минут с ним разговаривала через телефон.

— Семнадцать.

— Ты засекала?

— Я посмотрела время, когда зашла в кафе.

Аня засмеялась и убрала телефон в сумку.

До Сеульского леса они дошли пешком. Солнце поднялось выше, воздух прогрелся, и куртку пришлось расстегнуть. На дорожках было много людей с собаками и колясками, под деревьями фотографировались пары. Листья только начинали желтеть; зелёного оставалось больше, чем обещали осенние фотографии из интернета.

Юля хотела повторить кадр из дорамы возле пешеходного моста. Они дважды прошли не туда, нашли нужное место и обнаружили, что часть вида закрывает ограждение. Юля расстроилась, Аня сняла её рядом с табличкой о ремонте.

— Удали.

— Это настоящее путешествие.

— Я хочу красивое настоящее путешествие.

— Тогда встань левее, там ограждение не видно.

После полудня людей стало ещё больше. Они купили еду в магазине, сели на свободную скамейку и разложили упаковки между собой. Аня снова проверила телефон. Контакт J молчал.

Она написала детям. Лиза потребовала видеозвонок и, увидев осенний парк, сообщила, что у них идёт дождь. Миша спросил, встретила ли мама кого-нибудь из дорам.

— Одного встретила, — призналась Аня.

Юля едва не подавилась.

— Кого? — одновременно спросили дети.

— Я не помню, как зовут.

— Аня!

Юлин крик услышали в телефоне. Лиза рассмеялась, Миша потребовал фотографию. Аня сказала, что фотографироваться актёр отказался, и перевела разговор на домашние дела. Антон должен был забрать детей к своим родителям на выходные. Лиза не хотела ехать, потому что собиралась к подруге. Миша потерял форму для секции.

Десять минут Аня искала форму на расстоянии в семь тысяч километров. В конце концов вспомнила, что постирала её перед отъездом и положила на верхнюю полку в шкафу. Миша ушёл проверять, Лиза продолжила спорить из-за выходных.

Когда звонок закончился, Юля протянула Ане бутылку воды.

— Скучаешь?

— Конечно.

— Только второй день.

— Я знаю.

Аня посмотрела на детей на заставке телефона и убрала его в сумку. По дорожке мимо них пробежал мальчик примерно Мишиного возраста. Отец догнал его, поправил капюшон и повёл к прокату велосипедов.

— Мы всё равно правильно сделали, что приехали, — сказала Юля.

— Я не сомневаюсь.

Телефон завибрировал прежде, чем она застегнула сумку.

J прислал короткое сообщение на английском:

«Спасибо. Теперь я тоже вижу».

Аня перечитала и ничего не ответила.

* * *

На площадке Иджуна ждали костюм, грим и семь страниц текста.

Сцену снимали в декорации кабинета, построенной в павильоне на окраине Сеула. За окнами вместо города висело зелёное полотно, на столе лежали папки с вымышленными государственными документами, ассистенты поправляли свет. Режиссёр хотел пройти длинный диалог одним дублем, с движением камеры от двери до стола.

Первые два дубля остановили из-за света. В третьем партнёр перепутал реплику. На четвёртом Иджун сам сделал паузу на секунду раньше и попросил повторить.

Телефон лежал у Джэсона. Во время перерыва Иджун протянул руку, ещё не успев сесть.

— Мне нужно проверить сообщение.

Менеджер передал телефон.

— Та женщина написала?

— Ты сегодня слишком любопытный.

— Я ждал тебя у кафе одиннадцать минут. Потом из служебной двери вышли две иностранки.

Иджун открыл KakaoTalk. Фотография уже была там. Он увеличил её, рассмотрел калитку, хурму, кота и край собственного рукава.

Следом стояло сообщение с благодарностью за кофе. Перевод был точным, но Иджун почему-то представил, как Аня несколько раз исправляет фразу перед отправкой.

Он написал ответ и убрал телефон.

— Всё? — спросил Джэсон.

— Всё.

Гример поправила тон у его виска и прошлась кистью по подбородку. Иджун снова вышел в декорацию. Следующий дубль сняли до конца.

К девяти вечера они закончили только половину сцены. В павильоне стало душно, ворот рубашки натирал шею, кофе давно перестал действовать. Между перестановками камеры Иджун прочитал сообщение сестры.

«Твоя Анна похвалила тарт. Закажу хурму у другого поставщика».

Он ответил: «Она не моя».

Суён прислала смеющийся значок и больше ничего.

В половине одиннадцатого режиссёр объявил перерыв на сорок минут. Иджун вышел из павильона, сел в машину и только тогда открыл чат. Аня не ответила на его благодарность.

Он набрал по-английски: «Тебе нравится Сеул?»

Стер.

Открыл переводчик и написал по-корейски точнее. Русская фраза появилась на экране. Он отправил её, не понимая ни одной буквы:

«Сеул оказался таким, как вы ожидали?»

Ответ пришёл через несколько минут.

«Пока он очень старается быть красивым и постоянно отвлекается».

Иджун прочитал обратный перевод, посмотрел в тёмное окно машины и улыбнулся.

«Что вы увидите завтра?»

Аня прислала длинный список. Дворец, деревня ханок, библиотека, улица, на которой снимали сцену из сериала. В конце стояло: «Если мы снова не потеряемся в метро».

Он открыл расписание. Завтра съёмка начиналась в два часа дня и должна была закончиться после десяти. Утром была тренировка, которую можно перенести. Вечером оставалось окно между площадкой и ночной записью рекламы, слишком короткое, чтобы ехать через город.

«После ваших планов приезжайте в кафе», — написал он.

Несколько секунд рядом с её именем стояли точки.

«Зачем?»

Иджун не нашёл ответа, который можно было доверить переводчику.

«Я покажу вам Сеул, который не старается быть красивым».

Она долго молчала.

Джэсон постучал по стеклу и показал на часы. Перерыв заканчивался. Иджун уже собирался убрать телефон, когда пришло сообщение.

«Во сколько?»

«В половине одиннадцатого. После закрытия».

«Это поздно».

Он посмотрел на освещённый вход в павильон, на людей, которые возвращались внутрь с бумажными стаканами, и написал:

«Раньше я не смогу».

Ответа снова не было.

Иджун вышел из машины. У двери телефон завибрировал в руке.

«Я приду с Юлей».

Он остановился под белым светом прожектора и перечитал фразу.

Потом ответил:

«Приходите».

В декорации его уже звали. Иджун отдал телефон Джэсону и вернулся к столу министра, зная, что до половины одиннадцатого завтрашнего вечера осталось меньше суток.

Глава 3

К десяти утра Юля уже успела трижды изменить их планы.

Сначала они должны были ехать во дворец, потом подняться к крепостной стене, после найти лестницу из дорамы, которую закрыли на ремонт ещё весной. Теперь Юля сидела на кровати, упираясь коленями в чемодан, и составляла новый маршрут вокруг вечерней встречи в LAYERS.

— Если мы будем в кафе в половине одиннадцатого, отсюда надо выйти в девять сорок.

— В девять сорок пять.

— Мы можем заблудиться.

— От хостела до метро мы уже ходили четыре раза.

— В Корее есть переходы.

Аня застегнула платье и посмотрела на неё через зеркало.

— Юля, он пригласил нас выпить кофе после закрытия. Нам не нужно готовить эвакуацию посольства.

— Ты не понимаешь, кто тебя пригласил.

— Именно поэтому я спала.

Юля бросила в неё свёрнутым носком. Аня поймала его и положила на соседнюю кровать.

Узкая комната за два дня успела обрасти их вещами. На спинке стула висели две куртки, под тумбой стояли бутылки с водой, зарядки пересекали проход, как растяжки. Фотоаппарат Аня оставляла только на ночь. Утром снова надела ремень через плечо и проверила батарею.

— Я всё-таки не понимаю, зачем он позвал, — сказала Юля.

— Ты вчера объясняла мне это до двух часов.

— Я перечисляла варианты.

— Одиннадцать.

— Их больше.

— Поэтому я уснула.

Юля открыла рот, но телефон Ани зазвонил. На экране появилось рабочее имя, и обе посмотрели на время.

— У тебя же отпуск, — напомнила Юля.

— У меня запуск в понедельник. Я обещала подключиться на полчаса.

— Ты взяла с собой ноутбук в Корею ради получаса?

— Ради зарплаты, с которой оплатила Корею.

До московского рабочего утра оставалось ещё несколько часов. Аня сбросила звонок, написала, что выйдет на связь в три по местному времени, и убрала телефон.

Они позавтракали в магазине треугольниками риса, которые выбирали по картинкам. В одном оказался тунец, во втором что-то острое, третий Юля раскрыла неправильно и высыпала половину риса на куртку. Потом был дворец, красные колонны, каменные дворы и толпа у церемонии смены караула. Юля снимала видео, Аня уходила в сторону и ждала, когда между выстроенными линиями крыш освободится кусок двора.

У ворот мальчик в слишком большом национальном костюме потерял туфлю. Его отец присел посреди потока, поправил застёжку и несколько раз поклонился тем, кому они мешали. Аня подняла фотоаппарат, но опустила раньше, чем нажала кнопку. Мальчик нетерпеливо дёргал ногой, красный шёлк собирался над щиколоткой. Через секунду они ушли, и кадр остался только у неё в памяти.

— Ты не сняла? — спросила Юля.

— Не успела спросить.

— А пятка ребёнка исчезла.

— Значит, исчезла.

Юля покачала головой.

К трём они нашли кафе на втором этаже книжного магазина. Аня поставила ноутбук у окна, подключила наушники и на сорок минут вернулась в жизнь, которая продолжала идти по московскому времени. Коллеги спорили о рекламном бюджете, клиент прислал новый текст после согласования старого, на лендинге съехала кнопка. За стеклом проплывали автобусы, напротив женщина развешивала полотенца на крыше, а в наушниках обсуждали цену заявки.

— Нет, этот баннер не выпускаем, — сказала Аня. — Верните прошлую фотографию и уменьшите заголовок. Я посмотрю ещё раз через час.

— Через час ты тоже будешь в Корее? — спросил кто-то из коллег.

— Если всё пойдёт по плану.

Юля за соседним столиком беззвучно рассмеялась.

После звонка Аня закрыла ноутбук и увидела три сообщения от Антона. Миша нашёл форму для секции. Лиза отказалась ехать к бабушке. В ванной снова подтекал кран, и Антон уже вызвал мастера.

Последним стояло: «Можешь хоть несколько дней не решать всё отсюда. Я справлюсь».

Аня перечитала. Раньше он действительно справлялся. Потом однажды перестал — незаметно, на несколько месяцев, пока у него появилась другая женщина и отдельная часть жизни, о которой Аня узнала последней. Теперь Антон старательно возвращал себе место человека, которому можно доверять.

Она написала: «Спасибо. Только Лизу не заставляй ехать. Пусть переночует у Кати, если её родители согласны».

Ответ пришёл сразу: «Уже договорился».

Следом: «Ты там хоть отдыхаешь?»

Аня посмотрела на Юлю, которая фотографировала их пустые чашки на фоне окна.

«Пытаюсь».

Она не стала рассказывать про мужчину, чей закрытый аккаунт теперь стоял третьим в списке недавних переписок.

К девяти вечера ноги болели у обеих. Они успели пройти по улице, где Юля нашла ещё два дома из дорам, подняться по лестнице не из той дорамы и поужинать супом, название которого Аня не смогла повторить даже после трёх попыток.

— Там было всего три слога, — сказала Юля по дороге к метро.

— Ты уверена? Мне показалось, восемнадцать.

— Сольлонтан.

— Вот. Ты снова говоришь буквами.

— Ты имя Иджуна хотя бы помнишь?

— Пока да.

Юля остановилась посреди перехода.

— Только не шути так при нём.

— Теперь обязательно пошучу.

К LAYERS они пришли за восемь минут до половины одиннадцатого. В зале ещё сидели посетители. Бариста убирал витрину, девушка у окна допивала напиток и печатала одной рукой. Юля потянулась к двери, но Аня удержала её за локоть.

— После закрытия.

— Осталось восемь минут.

— Вот восемь минут и постоим.

Они отошли к соседней мастерской. Металлические ворота были опущены, под вывеской горела одна лампа. Аня прислонилась к стене и проверила телефон. Сообщений от J не было.

В половине одиннадцатого сотрудник кафе перевернул табличку на двери. Последние посетители вышли через несколько минут. Одна девушка задержалась, сделала фотографию вывески и ушла следом за подругой. Свет в зале погас не весь — над стойкой осталась тёплая полоса.

— Может, он не приедет, — сказала Аня.

— Он уже внутри.

— Откуда ты знаешь?

— Чёрная машина стоит за углом.

— Теперь я начинаю бояться не его, а тебя.

Телефон завибрировал.

«Идите за здание. Та же дверь».

Аня показала экран Юле.

— Даже не через главный вход, — прошептала та.

— Хочешь, пойдём домой.

Юля уже шла за угол.

Голубая калитка ночью казалась почти серой. Кота на стене не было, хурма темнела над крышей. Возле служебной двери стоял мужчина в длинной чёрной куртке. Аня узнала Джэсона, хотя вчера видела его только несколько секунд.

Он поклонился, назвал их имена и открыл дверь.

— Иджун? — спросила Юля.

Джэсон указал внутрь.

Кухня уже была вымыта. На металлических поверхностях не осталось ни чашек, ни тарелок, пахло средством для посуды и выпечкой. В зале горели только лампы над стойкой. Иджун ждал возле кофемашины без кепки и маски, в сером свитере и тёмных брюках. Волосы после съёмочного дня лежали слишком аккуратно. Под глазами появилась усталость, которую грим скрывал лучше, чем вечерний свет.

Он посмотрел сначала на Юлю, потом на Аню.

— Добрый вечер, — произнёс по-русски.

Юля прижала ладони к щекам.

Аня улыбнулась.

— Очень неплохо.

Он не понял. Она подняла большой палец.

— Good.

— I practiced, — сказал он и показал на телефон.

На экране оставалась открытой русская фраза с подсказкой произношения.

— Two hours, — добавил Джэсон по-английски из-за её спины.

Иджун бросил на него взгляд.

— Ten minutes.

— Twenty-seven, — уточнил менеджер.

Аня поняла числа и рассмеялась. Иджун протянул ей бумажный стакан с крышкой. На этот раз на нём был логотип LAYERS.

В телефоне он уже набрал:

«Сегодня вам не придётся отдавать кофе незнакомому мужчине».

Аня прочитала и ответила в своём:

«Сегодня вы уже не совсем незнакомый».

Иджун задержал взгляд на экране, затем на её лице.

— Not completely, — повторил он по-английски.

Юля стояла рядом слишком тихо. Аня повернулась к ней.

— Ты будешь кофе?

— Я вообще не понимаю, как ты можешь сейчас думать о кофе.

Иджун уловил знакомое слово и подвинул к ней второй стакан.

На одном из столиков стояла коробка с сэндвичами, нарезанные фрукты и два оставшихся тарта. Суён уехала домой, но передала через брата, что гостье с чужим кофе разрешено вернуться только при условии, что сегодня она попробует напиток LAYERS.

Перевод занял почти минуту. Аня дочитала и подняла стакан.

«Скажите вашей сестре, что она выиграла».

— Она всегда выигрывает, — произнёс Иджун по-английски.

Эту фразу Аня поняла без телефона.

Они сели за длинный стол в глубине зала. Джэсон остался возле стойки, открыл планшет и сделал вид, что занят. Первые несколько минут разговаривала в основном Юля. Её английский становился быстрее с каждым вопросом. Она спрашивала о новом фильме, о режиссёре, о съёмках в Пусане. Иджун отвечал спокойно, иногда просил повторить. Аня слушала знакомые слова и наблюдала, как меняется его лицо.

На вопросах о работе появлялась точность. Он выпрямлялся, ненадолго замирал перед ответом, выбирал формулировки, которые можно повторить публично. Именно таким его знала Юля: собранным, вежливым, не выдающим лишнего.

Потом он посмотрел на фотоаппарат у Ани на коленях.

— Yesterday? — спросил он и указал на него.

— Да.

Она включила экран, открыла снимок калитки и протянула камеру. Иджун взял её обеими руками, осторожно, словно вещь стоила гораздо дороже, чем на самом деле. Перелистнул один кадр, второй. Кот ещё сидел на стене. Кот тянулся к ветке. Пустая калитка без кота. На следующей фотографии Юля стояла возле ограждения в Сеульском лесу с таким лицом, будто ремонт был личным оскорблением.

— Delete, — потребовала она.

Иджун перевёл взгляд с фотографии на Юлю и улыбнулся.

— Never.

Он продолжил листать. Остановился на красной полосе вывески, отражённой в воде, увеличил длинную тень, потом посмотрел на Аню.

«Вы всё время снимаете то, что остальные не замечают?»

Она прочитала вопрос на его телефоне.

«Я замечаю то, на что успеваю посмотреть».

«А на меня вы успели посмотреть?»

Аня подняла глаза. Иджун сидел напротив, положив фотоаппарат перед собой. Юля замолчала на середине фразы.

Аня набрала ответ:

«Сегодня успела».

— And? — спросил он.

— А вот это уже лишний вопрос, — сказала она по-русски.

Переводчик выдал: «This question is already extra».

Иджун прочитал, нахмурился, перечитал. Аня забрала телефон, заменила фразу на более простую:

«Я пока не решила».

— Better, — сказал он.

— Не уверена.

Он снова не понял, зато понял её улыбку.

Через полчаса Иджун поднялся и жестом позвал их за собой. Джэсон сразу оторвался от планшета.

— Куда?

— Наверх.

— Там холодно.

— Я знаю.

Менеджер сказал ещё что-то быстро, уже без снисходительности. Иджун ответил коротко и открыл дверь за стойкой.

— Что происходит? — спросила Аня у Юли.

— Он ведёт нас на крышу.

— А второй против.

— Второй всегда против. Это его работа.

Узкая лестница начиналась возле кладовой. Иджун включил свет на телефоне и пошёл первым. Ступени были крутыми, стены некрашеными. Аня подняла фотоаппарат выше, чтобы он не бился о перила. На повороте каблук Юли застрял между ступенями, она выругалась и объявила, что в дорамах все поднимаются на крыши гораздо изящнее.

Иджун обернулся.

— Drama?

— Real life, — ответила Аня, указывая на Юлю.

Он рассмеялся и подал подруге руку.

На крыше стояли два наружных блока, старый металлический стол и ящики, в которых летом росли травы для кухни. За невысоким ограждением открывались крыши соседних зданий. Трубы, вывески, водяные баки, окна квартир, красные огни на башнях. Где-то работала вытяжка, снизу доносился звон посуды, дальше шумела большая улица.

Красивым этот вид становился только целиком. Стоило посмотреть ближе — и обнаруживались спутанные провода, ржавчина, пластиковый таз на соседнем балконе и мужчина в майке, который курил у открытого окна.

Иджун встал рядом с Аней и показал на город.

— Seoul. No trying.

Она вспомнила его сообщение.

— Всё равно красивый.

Переводчик справился.

«Потому что темно», — набрал Иджун.

«Потому что живой».

Он прочитал и убрал телефон в карман. Несколько секунд они стояли молча. Аня не знала, понял ли он без продолжения. Потом Иджун показал на её камеру.

— Photo?

Она сняла крышку с объектива. Сделала несколько кадров: красные огни над крышами, полоса дыма возле распахнутого окна, отражение вывески в металлическом коробе. Когда повернулась, Иджун смотрел на неё.

— Вас нельзя фотографировать? — спросила она.

Перевод получился точным.

Он задумался, затем покачал головой и указал на фотоаппарат.

«Можно. Только не публикуйте».

Аня подняла камеру. Иджун не изменил позу, не выпрямился и не нашёл свет. Остался возле серой стены, сунув руки в карманы, усталый после съёмки. Она сделала один кадр и опустила фотоаппарат.

— One? — спросил он.

— Хватит.

На экране появился английский перевод: «Enough».

Иджун чуть приподнял бровь.

— Для фотографии, — уточнила Аня и снова воспользовалась телефоном.

Он кивнул, но улыбнулся только одним уголком губ.

Юля отошла к противоположному краю крыши и снимала город. Джэсон остался возле двери. Иджун спросил дату их отъезда.

Аня показала билет в телефоне.

— November eight.

Он посмотрел на календарь, сосчитал дни.

«Вы всё это время будете в Сеуле?»

Она открыла их маршрут. Пусан, Кёнджу, Чеджу, снова Сеул. Билеты, брони, адреса. Иджун листал, иногда приближая названия.

— Too much, — сказал он.

— Twenty days, — ответила Аня. — Too little.

Он посмотрел на неё и кивнул.

Потом спросил о детях. Аня показала фотографию на заставке: Лиза щурилась от солнца, Миша держал над её головой ветку. Иджун назвал их возраст почти правильно, перепутав порядок. Она поправила: четырнадцать и одиннадцать.

«Кто с ними сейчас?»

«Их папа».

Иджун прочитал. Его палец задержался над экраном.

«Ваш муж?»

«Бывший муж».

Он поднял взгляд.

Аня не стала добавлять ничего. Иджун тоже не спросил, хотя вопрос был виден раньше, чем он погасил экран.

Снизу хлопнула дверь.

Джэсон мгновенно выпрямился. Телефон в его руке завибрировал. Он прочитал сообщение, подошёл к Иджуну и заговорил тихо. Тот повернулся к краю крыши, откуда была видна улица перед кафе.

Юля приблизилась к Ане.

— Там кто-то у двери.

— Сотрудники?

— Девушки. Две или три.

Снизу донёсся стук в стекло. Потом женский голос позвал Иджуна. Имя прозвучало отчётливо даже через перекрытия.

Он выключил лампу над дверью. Крыша провалилась в полумрак.

— Inside, — сказал Джэсон.

Они начали спускаться. На площадке второго этажа Иджун остановился так резко, что Аня едва не налетела на него. В окне над лестницей мелькнул свет телефонного фонарика. С улицы кто-то пытался заглянуть в боковые окна кафе.

Иджун развернулся, одной рукой отвёл Юлю за стену, второй притянул Аню ближе. Фотоаппарат ударился о его грудь. Аня прижала ладонь к свитеру, удерживая камеру. Его рука осталась на её талии.

— Quiet, — выдохнул он.

Голос она почувствовала под ладонью раньше, чем разобрала слово.

На улице снова постучали. Девушки заговорили между собой, одна произнесла имя Суён. Джэсон спустился ниже и ответил через закрытую дверь. Его голос звучал спокойно. Он несколько раз повторил, что кафе закрыто и внутри никого нет.

Аня стояла между Иджуном и стеной. Места хватало, чтобы отойти на полшага, но он продолжал удерживать её, прислушиваясь к голосам. Камера оказалась зажата между ними.

Иджун осторожно сдвинул её в сторону, провёл ладонью по ремню и только потом заметил, где осталась вторая рука.

Он посмотрел на Аню.

Она не двигалась. Её пальцы всё ещё лежали у него на груди.

Снизу хлопнула внешняя дверь. Джэсон подождал, затем поднялся на несколько ступеней.

— Ушли.

Иджун убрал руку. Аня опустила свою и поправила ремень фотоаппарата.

Юля молчала ещё секунду, потом тихо спросила:

— Они знали, что он здесь?

Джэсон ответил ей по-английски. Юля перевела:

— Кто-то видел машину. Возможно, решили проверить.

Аня посмотрела на Иджуна.

— Так бывает каждый раз?

Он прочитал перевод и ответил:

«Не каждый. Но достаточно часто».

«Поэтому вы встречаетесь с нами ночью через служебную дверь?»

Иджун долго набирал ответ.

«Поэтому я не могу встретиться с вами днём и просто пройти по улице».

Аня перечитала.

«Мы можем уйти. Я не хочу создавать проблемы вашей сестре».

Его ответ появился сразу:

«Вы не создаёте».

«Тогда почему мы стояли в темноте?»

Иджун посмотрел на неё поверх телефона. Усталость исчезла. Осталась жёсткая сосредоточенность, которую она уже видела на экране, когда его герой принимал решение за всех в комнате.

«Потому что я не позволю незнакомым людям решить, с кем мне разговаривать».

Аня прочитала дважды.

— Очень удобно, — сказала она по-русски.

Переводчик предложил: «Very comfortable».

Она стёрла фразу.

«Но прятаться пришлось нам».

Иджун сжал телефон. Джэсон произнёс его имя предупреждающе. Юля смотрела то на одного, то на другую.

Иджун напечатал:

«Да. И мне это не нравится».

Разговор закончился вместе с погасшим экраном. На крышу они уже не вернулись.

В зале Джэсон проверил камеры у входа и сказал, что девушки ушли к метро. Время приближалось к полуночи. Юля открыла маршрут и нахмурилась: последний удобный поезд они уже пропускали, с двумя пересадками оставался сомнительный вариант.

— Мы вызовем такси, — сказала Аня.

Иджун услышал знакомое слово.

— No taxi. Car.

— Не надо.

Он уже говорил с Джэсоном. Менеджер взял ключи и пошёл к выходу.

Аня набрала:

«Мы можем доехать сами».

«Можете. Но поедете с нами».

Она показала экран Юле.

— Вот теперь я узнаю человека, которого видела в дораме, — сказала та.

— Это был тиран.

— Очень красивый тиран.

Иджун ждал перевода. Приложение справилось только со второй фразой. Он посмотрел на Юлю, потом на Аню.

— Beautiful?

— Не отвлекайтесь, — сказала Аня и первой направилась к служебной двери.

В машине Юля села впереди рядом с Джэсоном. Аня оказалась во втором ряду, Иджун — напротив. Между сиденьями оставалось достаточно места, но после тесной лестничной площадки оно не помогало.

За затемнёнными окнами проходили ночные улицы. Магазины закрывались, возле ресторанов курили сотрудники, курьеры на мотоциклах перестраивались между машинами. В одном переулке под белыми лампами выгружали коробки с овощами. Аня смотрела наружу и держала фотоаппарат на коленях.

Телефон зазвонил, когда они пересекали реку. Антон включил видеосвязь.

— Что случилось? — спросила Аня сразу.

— Ничего. Ты просила показать, что все живы.

На экране появилась Лиза с мокрыми волосами.

— Мам, Миша съел мою лапшу.

— Я не знал, что она твоя! — крикнул он издалека.

— Там было написано моё имя.

— По-корейски?

— По-русски, идиот.

— Лиза, — одновременно сказали Аня и Антон.

Иджун не понимал слов, но смотрел на экран. Аня отвернула телефон так, чтобы в кадр не попал салон машины.

— У вас почти пять вечера. Почему ты с мокрыми волосами?

— Я красилась.

— Во что?

— В каштановый. Но почти ничего не видно.

Аня закрыла глаза.

— Покажи ванную.

— Там всё чисто.

— Лиза.

Дочь унесла телефон. Антон появился снова и тихо сказал:

— Я проверил. Полотенце пострадало, ванна цела. Краска смылась с кожи.

— Ты разрешил ей красить волосы без меня?

— Она сказала, что ты разрешила.

— А ты поверил?

— Я стараюсь доверять детям.

Он улыбнулся той улыбкой, которая когда-то прекращала половину их ссор. Теперь она только напоминала, сколько лет Аня её знала.

— Мы обсудим это потом. Дай Мишу.

— Ань, у тебя всё нормально? Ты где?

— В машине. Возвращаемся в хостел.

— Ночью?

— Антон.

Он помолчал.

— Ладно. Напиши, когда доберёшься.

Аня поговорила с Мишей, велела ему извиниться перед сестрой и купить ей другую лапшу, затем закончила звонок. Когда убрала телефон, Иджун уже печатал.

«Это папа детей?»

«Да».

«Он живёт с ними?»

«Только пока я в поездке».

Иджун прочитал, затем задал вопрос, которого она ждала ещё на крыше:

«Он хочет снова стать вашим мужем?»

Аня подняла глаза.

Юля впереди увлечённо объясняла Джэсону, где свернуть, хотя навигатор уже построил дорогу. В машине звучал её английский, голос навигации и шорох шин.

«Думаю, да».

Иджун ждал продолжения.

Аня добавила:

«Я не хочу».

Он кивнул. Слишком быстро и заметно.

Аня отложила телефон на колени.

— Вы сейчас обрадовались? — спросила она по-русски.

Перевод получился длинным. Иджун прочитал, провёл большим пальцем по краю своего телефона и ответил:

«Я просто понял».

«Что?»

На этот раз он не стал печатать.

Машина свернула в их квартал. Проезд к хостелу оказался перекрыт фургоном доставки, и Джэсон остановился в начале переулка. Юля поблагодарила его и сразу вышла. Аня открыла дверь, но Иджун произнёс её имя.

— Anna.

Она обернулась.

Он показал на фотоаппарат.

— Send me. Photo.

— Какую?

Иджун коснулся своей груди.

— Me.

— Посмотрим.

Переводчик выдал: «We'll see».

Иджун явно знал эту английскую фразу. Его взгляд стал уже.

— Send.

Аня выбралась из машины.

— Спокойной ночи.

— Good night, Anna.

Она захлопнула дверь и догнала Юлю. Возле синего входа обернулась. Машина оставалась на месте, пока они не открыли дверь хостела.

* * *

— Нет, — сказал Джэсон, когда Аня скрылась внутри.

Иджун перевёл взгляд на него.

— Я ничего не спросил.

— Ты собираешься.

— Завтра утром у меня что?

— Сон. Иногда ты должен спать.

— После сна.

— С десяти примерка, потом интервью, встреча с режиссёром и ночная съёмка.

Иджун открыл календарь. В восемь стояла тренировка, которую можно было перенести. В девять тридцать — дорога в агентство.

— Перенеси тренировку.

Джэсон не тронулся с места.

— Они улетают через семнадцать дней, — сказал Иджун.

— Я уже услышал. Ты повторил это три раза.

— Значит, знаешь, почему ждать нельзя.

— Нет. Пока не знаю даже, почему ты позвал их сегодня.

Иджун посмотрел на освещённое окно третьего этажа. На занавеске появилась тень, исчезла, потом показалась снова.

Он тоже не знал ответа, который устроил бы Джэсона.

Телефон завибрировал. Аня прислала фотографию с крыши.

Он стоял у стены, волосы растрепал ветер, под глазами лежали тени. Свет вывески дошёл только до одной стороны лица. Снимок не годился ни для публикации, ни для поклонников, ни для страницы агентства.

Иджун сохранил его.

Потом написал:

«Завтра. Пять сорок».

Ответ пришёл через минуту:

«Это время или угроза?»

Он впервые за вечер рассмеялся вслух.

«Время. Я покажу вам город до того, как он начнёт стараться».

Три точки появлялись и исчезали.

«Вы вообще спите?»

«Иногда».

«Юля вас за это возненавидит».

«А вы?»

Ответа пришлось ждать дольше.

«Я встану».

Глава 4

В пять восемнадцать Юля сидела на кровати с закрытыми глазами и держала в руке один носок.

— Я его больше не люблю, — сообщила она.

Аня застегнула светлое платье, сверху надела длинный кардиган и проверила прогноз. Девять градусов. Куртка лежала на чемодане, фотоаппарат заряжался у тумбы.

— Ты знакома с ним меньше двух суток.

— Я любила его семь лет. До сообщения на пять сорок.

— Можешь остаться.

Юля открыла один глаз.

— И потом всю жизнь думать, куда он тебя возил?

— Именно это и предлагаю.

Носок полетел в Аню. На этот раз она не поймала.

В половине шестого они вышли из хостела. Ресторан внизу был закрыт, гирлянда над входом погасла, на улице стояли мешки с мусором. Возле магазина мужчина в резиновых перчатках мыл тротуар. Вода стекала вдоль бордюра, собирая окурки и жёлтые листья.

Чёрная машина ждала у перекрёстка. Джэсон вышел, открыл заднюю дверь и посмотрел на Юлю так, будто её присутствие подтверждало, что в мире всё ещё остался здравый смысл.

Иджун сидел внутри в чёрной толстовке, кепке и маске. Рядом лежали два стакана и упаковка маленьких грелок для рук. Он снял маску, когда дверь закрылась.

— Доброе утро, — сказал по-русски.

Сегодня получилось увереннее.

— Вы опять тренировались? — спросила Аня.

Он подождал перевод.

— Five minutes.

— Уже прогресс.

Юля села рядом с Аней, взяла кофе и сразу простила ему ранний подъём. Иджун передал второй стакан Ане. На крышке чёрным маркером было написано её имя латиницей.

— Это чтобы я не отдала его другому мужчине? — спросила она.

Переводчик превратил фразу в «Это мешает мне дать мужчине?»

Аня нахмурилась и начала исправлять. Иджун прочитал первый вариант, тихо рассмеялся и забрал её телефон.

— No. I understand.

Он вернул телефон, коснулся пальцем надписи на крышке и сказал по-английски:

— Your coffee.

— Я запомнила.

Джэсон тронул машину. Улицы были почти пустыми. Работали круглосуточные магазины, в пекарне за запотевшим стеклом раскладывали хлеб, возле остановок стояли люди в строгих пальто. Юля попыталась спросить, куда они едут. Иджун назвал место.

— Норянджин, — повторила она.

Он поправил произношение.

Аня услышала ту же последовательность звуков, только сказанную медленнее.

— Это сейчас было другое слово?

Иджун посмотрел на её экран и произнёс ещё раз, разделяя название на части.

— Но-рян-джин.

— Норянджин.

Он покачал головой.

— Я же говорю: набор букв, — объяснила Аня Юле.

Та перевела. Иджун снял кепку, провёл рукой по волосам и снова надел.

«До вашего отъезда вы научитесь», — напечатал он.

«Слишком смелое обещание».

«Я терпеливый».

Джэсон рассмеялся за рулём.

— Он врёт, — сказал по-английски.

Иджун бросил в него упаковку грелок. Джэсон поймал одной рукой и положил возле коробки передач.

Когда машина остановилась, небо только начало светлеть. Над большим зданием рынка горели белые буквы, к разгрузочным въездам тянулись грузовики. Людей было больше, чем Аня ожидала увидеть до шести утра.

Иджун снова надел маску и протянул маски им.

— Нам тоже? — спросила Аня.

Он кивнул.

«Если меня узнают, рядом с вами не должно быть лиц, которые можно найти».

Юля надела сразу. Аня держала маску за резинку.

«Но мы войдём вместе».

«Вы туристки. Я иду отдельно».

Джэсон уже вышел из машины и обошёл её спереди. Иджун открыл свою дверь.

Аня успела напечатать:

«Очень естественная прогулка».

Он прочитал и ответил:

«Днём мы не пройдём и пяти метров. Сегодня я могу только так».

От этой фразы шутить расхотелось. Аня надела маску.

Они вошли с разных сторон. Джэсон шёл первым с Юлей, Иджун держался на несколько метров позади Ани. Внутри пахло морем, льдом и водой. Под ногами блестел мокрый пол, из открытых баков выплёскивались струи, продавцы перекрикивались, тележки с коробами проходили так близко, что приходилось прижиматься к прилавкам.

В прозрачных ёмкостях двигались рыбы, крабы цеплялись друг за друга, осьминог распластался по стеклу и медленно собрал щупальца. Юля остановилась перед огромным крабом. Джэсон вернулся за ней и показал рукой, куда идти.

Аня подняла фотоаппарат.

Первый кадр испортил пар от шланга. На втором получились руки продавца в жёлтых перчатках и серебряная рыба на синем пластике. Она сместилась в сторону, присела, поймала отражение красной вывески в воде под ногами.

Сзади просигналила тележка.

Аня обернулась поздно. Иджун шагнул к ней, обхватил за талию и одним движением переставил ближе к прилавку. Тележка прокатилась там, где она только что стояла. Водитель даже не повернул головы.

Иджун сказал что-то по-корейски ей вслед, потом посмотрел на Аню.

— Careful.

— Я была осторожна.

Он указал на мокрый пол, тележку и камеру.

— No.

Его рука по-прежнему лежала на её талии. Аня посмотрела вниз. Иджун проследил за взглядом и убрал ладонь, но фотоаппарат забрал.

— Эй.

Он надел ремень себе на шею.

«Я понесу, пока мы идём между тележками».

«Я умею носить свой фотоаппарат».

«Я вижу».

Аня показала Юле экран.

— Скажи ему.

— Что?

— Чтобы отдал.

Юля посмотрела на Иджуна с её фотоаппаратом, потом на мокрый след от тележки.

— Я на его стороне.

— Спасибо за поддержку.

Иджун не понял слова, но догадался по интонации. Он пошёл дальше, и Ане пришлось догонять.

У следующего ряда движение стало плотнее. Иджун держался рядом. Когда проезжала тележка, он касался ладонью Аниной спины и направлял её к краю. Она дважды хотела возмутиться, потом увидела, как мужчина впереди едва успел убрать ногу из-под колеса, и промолчала.

Возле прилавка с рыбой Иджун заговорил с пожилой продавщицей. Та узнала его не сразу. Сначала ответила, посмотрела на Джэсона, на женщин в масках, потом снова на Иджуна. Её глаза сузились.

Она произнесла его имя вопросительно.

Иджун приложил палец к маске. Женщина улыбнулась, сказала что-то длинное и хлопнула его по плечу. Джэсон прикрыл глаза.

— Что она сказала? — спросила Аня.

Юля прислушалась.

— Я поняла только, что он худой.

Продавщица уже выбирала рыбу. Иджун попытался остановить её, но она отмахнулась, положила в пакет ещё что-то и не взяла протянутую купюру. Потом заметила фотоаппарат на его шее, показала на Аню и спросила. Иджун ответил.

Женщина внимательно посмотрела на Аню. Та поклонилась, не понимая, за что её представили. Продавщица кивнула, добавила в пакет мандарин и вручила его именно ей.

— Что вы ей сказали? — спросила Аня, когда они отошли.

Иджун напечатал:

«Что вы фотограф и приехали из России».

«Я не фотограф. Это просто мой фотоаппарат».

«Тогда зачем вы снимаете?»

«Потому что люблю».

Он прочитал, посмотрел на камеру у себя на груди и ответил:

«Этого достаточно».

Они поднялись на этаж с ресторанами. За стеклянными дверями стояли низкие столы, аквариумы, таблички с фотографиями блюд. Продавщица отправила пакет в одно из заведений, и через несколько минут им принесли горячий бульон, рис, жареную рыбу и множество маленьких тарелок.

Аня сняла маску. Пар сразу согрел лицо.

— Если там что-то сырое, я не буду, — предупредила она.

Юля перевела. Иджун посмотрел на неё с искренним удивлением.

— Fish market, — сказал он.

— Я вижу.

— Fresh.

— Тем более оно ещё недавно смотрело на меня.

Юля перевела приблизительно. Джэсон подавился водой. Иджун несколько секунд смотрел на Аню, затем подвинул к ней жареную рыбу и горячий суп, а тарелку с тонкими ломтиками оставил возле себя.

— Safe, — сказал он.

— Надеюсь.

С палочками Аня справлялась, пока не попыталась отделить рыбу от кости. Кусок упал обратно в тарелку. Иджун наблюдал через стол.

— Не смотрите, — сказала она.

Он понял жест и всё равно продолжил. Потом отложил свои палочки, протянул руку и показал, как держать ближе к концам. Аня повторила. Палочки снова разъехались.

Иджун обошёл стол и сел рядом. Его пальцы легли поверх её, поправили положение большого пальца, сдвинули указательный.

— Like this.

— У меня пальцы другие.

Переводчик лежал на столе. Юля перевела сама.

— Other fingers, — сказала она и засмеялась.

Иджун посмотрел на Анину руку, которую всё ещё держал.

— Same, — возразил он.

Аня попробовала снова. Кусок рыбы поднялся с тарелки и благополучно добрался до рта.

— Получилось.

Иджун отпустил её пальцы, но остался сидеть рядом.

Юля начала спрашивать о Пусане. Теперь Аня услышала знакомое название и тоже слушала. Иджун родился возле моря. Папа работал инженером, мама преподавала литературу. Когда ему было двенадцать, семья переехала в Канаду из-за работы отца. В Сеул он вернулся в семнадцать, закончил школу, поступил в университет и ушёл служить раньше большинства однокурсников.

— Vancouver, — сказала Юля Ане. — Поэтому у него такой английский.

— Я уже поняла, что рядом с ним только я ничего не знаю.

Иджун попросил перевести. Юля послушно передала смысл.

«Я могу говорить медленнее», — написал он.

«От этого я не начну знать английский».

«Тогда будем пользоваться телефоном».

Аня посмотрела на два телефона между тарелками. Их разговор всё время распадался на ожидание: набрать, проверить, показать, дождаться ответа. Иногда перевод делал фразу холоднее, иногда смешнее, иногда выдавал бессмысленную строку, и приходилось писать заново, проще и короче.

«Вас это не раздражает?»

Иджун прочитал.

«Раздражает».

Она не ожидала честного ответа.

Следом он написал:

«Потому что я хочу понимать вас сразу».

Аня опустила взгляд на суп. Юля внезапно очень заинтересовалась маленькой тарелкой с водорослями. Джэсон посмотрел на часы.

— Нам пора через двадцать минут.

Иджун ответил ему по-корейски. Разговор получился коротким и неприятным. Джэсон положил телефон на стол экраном вверх. В календаре шли цветные блоки один за другим.

— Он перенёс тренировку, — объяснила Юля. — И сократил дорогу до агентства, что бы это ни значило.

Аня повернулась к Иджуну.

«Вы изменили расписание ради нас?»

Он не стал читать вслух.

«Ради вас».

Аня почувствовала, как Юля перестала жевать.

«Мы обе здесь».

Иджун перевёл взгляд на Юлю и кивнул.

«Да».

Он не исправил свой ответ.

Аня положила телефон на стол.

— Зачем? — спросила она вслух.

Иджун понял одно слово по выражению её лица. Взял свой телефон, но несколько секунд ничего не печатал.

«Я хотел узнать, изменитесь ли вы после того, как поймёте, кто я».

«И?»

«Вы стали спорить чаще».

Она улыбнулась прежде, чем успела решить, сердиться ли.

«Теперь я знаю, что вы любите командовать».

«Только когда меня не слушают».

«То есть постоянно?»

Иджун рассмеялся. Пожилая женщина за соседним столом подняла голову. Он сразу опустил лицо и надел маску.

Джэсон встал.

— Уходим.

Обратно через рынок они шли быстрее. Фотоаппарат Иджун не вернул. Аня потребовала его у выхода, но он показал на поток тележек и продолжил нести.

На открытой галерее между зданием и парковкой пахло холодной водой. Небо над рекой стало светло-серым. По мосту уже плотнее шли машины, поезда проходили один за другим.

Иджун остановился у ограждения и наконец снял ремень с шеи. Вместо того чтобы сразу отдать камеру, он включил экран. Аня встала рядом.

— Осторожно, — сказала она. — Там мои фотографии.

Он подождал перевод и вопросительно посмотрел на неё.

«Мне нельзя смотреть?»

«Можно. Только не всё подряд».

«Почему?»

«Потому что это моё».

Иджун сразу протянул фотоаппарат. Аня взяла, но не убрала руку. Его пальцы оставались на корпусе.

— Я не сказала, что вам нельзя, — произнесла она медленно.

Телефон доставать не хотелось. Она открыла вчерашний снимок с крыши и показала ему, затем перелистнула на утренние кадры. Рыба в воде. Жёлтые перчатки. Отражение вывески. Размытая тележка. На одном из первых снимков в дальнем краю оказался Иджун: маска, кепка, взгляд направлен на неё. Тогда фотоаппарат ещё был у Ани.

Он увеличил своё лицо.

— Удалить? — спросила Аня.

Иджун покачал головой.

Аня подняла камеру и вопросительно коснулась пальцем кнопки. Иджун посмотрел в объектив, потом коротко кивнул.

Она нажала сразу — раньше, чем его лицо успело стать спокойным и безупречным. Серое утро отражалось в стекле за его спиной.

Иджун подошёл посмотреть кадр.

— Why so fast? — спросил он по-английски.

Аня поняла вопрос и ответила по-русски в переводчик:

— Потому что через секунду вы снова становитесь актёром.

Переводчик долго думал и выдал почти точную фразу.

Иджун прочитал.

«А кем я становлюсь, если не успеваю?»

«Мужчиной, который украл мой фотоаппарат».

Он снял маску. Вокруг глаз появились линии от улыбки.

— Иджун, — позвал Джэсон от машины.

— О, это я уже знаю, — сказала Аня.

Иджун посмотрел на неё и произнёс своё имя медленно. В его голосе оно звучало короче и мягче.

Аня повторила.

Он покачал головой.

— Опять не так?

Ещё одна попытка. Он приблизился, чтобы ей было видно движение губ, разделил звуки. Аня повторила точнее.

— Better.

— Чха Иджун.

Он снова поправил первый слог.

— У вас даже собственное имя состоит из ловушек.

Перевод вызвал у него новый смех.

Иджун коснулся пальцем её бейджа на ремне камеры, где имя было написано латиницей.

— Anna.

Он произнёс слишком твёрдо.

Теперь головой покачала она.

— Аня.

— Anya.

— Мягче.

Он повторил. Аня поправила. На третьем разе получилось почти правильно.

— Better, — вернула она его слово.

Джэсон снова позвал, на этот раз без терпения.

В машине Иджун сел напротив Ани и сразу открыл календарь.

«Что вы делаете сегодня?»

Она показала план Юли. Музей, район у университета, кафе из очередной дорамы, вечерний рынок.

«А вечером?»

«Звонок по работе. Потом дети».

«После?»

«Спать. Некоторые люди этим занимаются».

Иджун не улыбнулся. Он листал её маршрут, приближал адреса и смотрел на собственное расписание.

«Завтра?»

«У нас билеты».

«Послезавтра?»

«У нас планы на все двадцать дней».

Иджун поднял глаза.

«Пришлите мне их».

«Зачем?»

«Я найду место».

Аня прочитала и покачала головой.

«В вашем расписании?»

«В вашем».

— Он всегда такой? — спросила она у Джэсона.

Менеджер посмотрел в зеркало.

— Worse, — ответил он по-английски.

Иджун сказал что-то резкое. Джэсон усмехнулся и больше не переводил.

Они уже подъезжали к центру, когда на панели машины высветился входящий звонок. Джэсон ответил через гарнитуру. Женский голос говорил быстро. Иджун перестал смотреть на телефон.

Аня не понимала слов, но увидела, как изменилось его лицо. Он протянул руку. Джэсон передал ему свой телефон на светофоре. На экране была публикация с фотографией чёрной машины возле LAYERS. Снимок сделали ночью. Людей в кадре не было.

Иджун пролистнул текст, задал несколько вопросов. Юля тоже увидела экран.

— Там написано, что его видели у кафе после закрытия, — тихо перевела она. — И что внутрь заходили две иностранки.

Аня почувствовала, как ремень фотоаппарата давит на шею.

— Нас сфотографировали?

Юля всмотрелась.

— Вроде нет.

Иджун закончил разговор и повернул телефон экраном вниз. Несколько секунд в машине слышался только двигатель.

Аня открыла переводчик.

«Это из-за нас».

«Нет. Кто-то увидел машину».

«Машина приехала из-за нас».

Он прочитал.

«Это моя ответственность».

«И вашей сестры. И менеджера. И людей, которые снимают фильм».

Иджун медленно выдохнул. Джэсон в зеркале наблюдал за ним.

«Публикацию почти никто не видел. Агентство проследит».

«И если увидят?»

Он начал печатать, стёр, снова написал:

«Тогда мы решим».

Аню задело это «мы». В нём не было ни её, ни Юли. Были Иджун, Джэсон, агентство и люди, которые привыкли решать последствия раньше, чем остальные узнавали о проблеме.

Машина остановилась не у хостела, а возле станции в двух кварталах. Джэсон объяснил, что в переулок сегодня лучше не заезжать. Аня кивнула.

Юля вышла первой. Иджун снова произнёс:

— Аня.

Теперь мягко и правильно.

Она задержалась у открытой двери.

Он набрал:

«Напишите, когда войдёте в хостел».

«Мы умеем пройти два квартала».

«Я знаю».

«Тогда зачем?»

«Потому что я не увижу».

Аня перечитала. Ответить на это через переводчик не получилось. Она кивнула и вышла.

* * *

— Он ревнует тебя к Антону, — сказала Юля, когда они свернули в переулок.

— Он видел Антона один раз на экране.

— Этого хватило.

— Ты семь лет смотрела дорамы и теперь ставишь диагнозы по одному взгляду.

— По двум. В машине и вчера на крыше.

Аня открыла дверь хостела.

— Вчера он спрашивал, замужем ли я.

— Вот.

— Это обычный вопрос.

— Для мужчины, который прячет тебя от поклонниц, держит за талию в темноте, встаёт в пять утра и требует расписание всех двадцати дней?

Аня приложила ключ-карту к двери номера.

— Он не требует.

Телефон завибрировал. На экране стояло сообщение от J:

«Вы дошли?»

Юля посмотрела через её плечо.

— Конечно. Он вежливо приказывает.

Аня написала: «Дошли» — и убрала телефон прежде, чем подруга увидела её улыбку.

* * *

В агентстве Иджуна ждали директор Хан, стилист и распечатанное расписание, в котором сдвинулось только одно утро. Этого хватило, чтобы директор начала разговор до того, как он снял куртку.

— Публикацию уже удалили, — сказала она. — Скриншоты остались. Пока это восемь комментариев и две догадки.

— Фотографий нет.

— Сегодня нет.

Джэсон сел у стены. Иджун остался стоять.

— Они туристки.

— Я умею читать. Одна рыжая, вторая с длинными тёмными волосами. Кто они?

— Я только что ответил.

Директор Хан положила перед ним телефон. В комментариях спорили, приезжал ли он вообще. Кто-то утверждал, что машина принадлежит другому актёру. Кто-то написал, что Суён часто принимает иностранных поставщиков.

— Если это поклонницы, больше не привози их к кафе ночью.

— Они не поклонницы.

— Тогда тем более объясни.

Иджун посмотрел на закрытую дверь кабинета. За ней сотрудники обсуждали рекламу фильма, премьеры и интервью. Один снимок двух женщин рядом с ним мог превратить их поездку в поиск имён, страниц, семей и старых фотографий. Аня пока думала, что риск — это несколько девушек за стеклянной дверью.

— Объяснять нечего, — сказал Иджун. — Они уедут через шестнадцать дней.

Директор Хан услышала то же, что вчера Джэсон.

— Ты считаешь дни?

Иджун не ответил.

Стилист позвала его на примерку. Он снял толстовку, встал на низкую платформу и позволил заколоть на спине пиджак. Пока меняли длину рукава, телефон завибрировал в кармане брюк.

Аня прислала утреннюю фотографию.

На снимке Иджун стоял у стекла. Маска закрывала лицо, кепка отбрасывала тень, но взгляд был направлен прямо на неё. За спиной в серой воде отражались первые полосы света.

Под фотографией она написала:

«Сеул в шесть двенадцать. Кажется, он всё-таки немного старался».

Иджун сохранил снимок рядом со вчерашним.

Потом открыл присланный Юлей маршрут. Двадцать дней были заполнены цветными отметками почти без свободных окон.

Он увеличил третий день, потом четвёртый, нашёл вечер, где после шести не стояло ничего, и отправил Ане адрес.

«Здесь вы ещё не были».

Ответ пришёл, когда стилист просила поднять руки.

«А что там?»

Иджун посмотрел на директора Хан, Джэсона и своё расписание на столе.

«Пока не знаю. Но там мы сможем не выключать свет».

Глава 5

Адрес привёл их в Тэханно.

Юля произнесла название ещё в метро, потом добавила, что район известен театрами, университетами и молодыми актёрами. Аня услышала три версии одного слова и решила не повторять ни одну.

— Ты даже не попробуешь? — спросила Юля.

— Я берегу силы на имя человека, с которым встречаюсь.

— Ты уже научилась.

— Он считает иначе.

После выхода из метро улица оказалась яркой и шумной. На фасадах висели афиши, у лестниц в подвальные театры стояли молодые люди с листовками, возле кафе собирались компании студентов. Некоторые спектакли только начинались, другие заканчивались. Из открывшейся двери высыпали зрители, перекрыв тротуар.

Юля сверилась с адресом и повернула в переулок. Там вывесок стало меньше. Нужное здание стояло между магазином музыкальных инструментов и рестораном. На первом этаже горел свет в маленьком фойе, за стеклом висели старые афиши. На одной Аня узнала Иджуна — совсем молодого, с длинной чёлкой и таким серьёзным лицом, будто ему уже тогда поручили спасти всех вокруг.

— Это он? — спросила она.

Юля приблизилась к стеклу.

— Ему здесь двадцать два. Это его второй спектакль после армии.

— Конечно, ты знаешь.

— Я знаю важное.

До назначенного времени оставалось пять минут. Они вошли.

За стойкой сидел пожилой мужчина в шерстяном жилете. Он поднялся, услышав открывшуюся дверь, посмотрел сначала на Юлю, потом на Аню и произнёс имя Иджуна вопросительно.

Юля закивала и показала переписку. Мужчина прочитал сообщение, вздохнул и жестом пригласил их пройти. Английский он знал немногим лучше Ани. Через переводчик объяснил, что Иджун звонил, предупредил о гостях и обещал приехать к семи.

Было без четырёх семь.

Мужчина представился господином Имом. Юля назвала свои имя и фамилию, затем представила Аню. Господин Им повторил оба имени, запомнил только Анино и повёл их вниз.

Зал помещался в подвале. Чуть больше ста кресел поднимались короткими рядами, сцена была маленькой, без занавеса. На ней стояли стол, две табуретки и деревянная дверь, которая никуда не вела. Пахло пылью, краской и нагретыми лампами.

— Здесь красиво, — сказала Аня.

Юля оглянулась.

— Ты серьёзно?

— Да. Видно, что здесь что-то происходит.

На спинках кресел лежали программки. У стены стояли коробки с реквизитом, из одной торчал бумажный меч. Аня достала фотоаппарат и спросила у господина Има, можно ли снимать. Перевод занял две попытки. Он разрешил, только попросил не фотографировать документы у кассы.

К семи Иджун не приехал.

В семь десять Юля сказала, что в Сеуле пробки. Ещё через пятнадцать минут — что интервью могло затянуться. Когда ожидание растянулось почти на сорок минут, Аня убрала фотоаппарат и посмотрела на телефон.

Сообщений от J не было.

— Я ему напишу, — предложила Юля.

— Он знает, что мы здесь.

— Вдруг у него забрали телефон.

— Тогда твоё сообщение очень поможет.

Господин Им принёс им воду и несколько раз посмотрел на часы. В зале погасла часть ламп. Наверху закрылась входная дверь, стало тихо.

Без двадцати восемь Аня встала.

— Куда ты?

— В хостел. Я детям обещала позвонить.

— Можно отсюда.

— Я не знаю, сколько мы ещё будем ждать и когда нас попросят уйти.

Юля посмотрела на господина Има. Он уже складывал программки в стопку.

— Ещё десять минут.

— Ты можешь остаться.

Аня надела куртку и поднялась по ступеням. Юля пошла следом, продолжая убеждать её подождать. Господин Им выключил свет на сцене и тоже двинулся к выходу.

Дверь фойе открылась прежде, чем они дошли.

Иджун вошёл быстро, ещё в одежде после интервью: тёмный костюм, пальто на одной руке, волосы уложены назад. За ним появился Джэсон с двумя телефонами и папкой. Оба остановились, увидев женщин у лестницы.

Иджун посмотрел на часы, затем на Аню.

— Аня, — произнёс он.

На этот раз имя прозвучало правильно, мягко, с почти незаметным «я» в середине.

— Научились, — сказала она.

Иджун повторил ещё раз, уже тише, будто проверял, можно ли произнести его ещё мягче. Только потом снова посмотрел на часы.

— Sorry.

Аня кивнула.

— Нам пора.

Он понял короткую фразу и заговорил по-английски. Слишком быстро. Аня подняла ладонь, достала телефон и набрала:

«Я обещала позвонить детям. Они ждут».

Иджун прочитал. Спросил время звонка.

«Через двадцать минут».

Он повернулся к господину Иму и заговорил с ним. Тот ответил, показал вниз, потом на дверь за стойкой. Джэсон уже открыл папку, достал зарядное устройство и спросил у Юли, какой разъём нужен.

Аня следила за ними.

Иджун снова взял её телефон.

«Здесь есть интернет и тихая комната. Позвоните отсюда. Я подожду».

«Мы ждали сорок минут».

Он прочитал, сжал губы и кивнул.

«Я знаю. Интервью шло в прямом эфире. Я не мог уйти».

«Можно было предупредить».

Иджун посмотрел на Джэсона. Тот сразу поднял оба телефона.

— His phone. My phone, — сказал он и показал на папку. — Live.

Аня поняла. Телефоны действительно лежали у менеджера, пока Иджун был перед камерой. Это объясняло опоздание, но не возвращало сорок минут.

Она набрала:

«Я останусь ради звонка. Потом решим».

Иджун прочитал и впервые с момента появления немного расслабился.

Комната за стойкой оказалась маленькой гримёрной. Узкий диван, стол перед зеркалом, чайник и стойка с костюмами в чехлах. Джэсон подключил зарядку, господин Им продиктовал пароль от сети. Иджун проверил уровень сигнала на своём телефоне и только после этого отступил к двери.

— Thank you, — сказала Аня.

Он задержался.

Она показала на коридор.

— Children.

Иджун вышел и прикрыл дверь.

Лиза ответила первой. Её недавно покрашенные волосы стали темнее, хотя она продолжала утверждать, что цвет почти не изменился. Миша влез в кадр с новой лапшой для сестры и сообщил, что она стоила дороже съеденной.

— Правильно, — сказала Аня. — В следующий раз будешь читать подписи.

— Я прочитал. Я думал, она подписала все упаковки просто так.

— Конечно. Для красоты.

Лиза отобрала у него телефон и понесла в свою комнату. Показала новую блузку, спросила, можно ли остаться у Кати ещё на одну ночь, пожаловалась, что Антон заставляет её отвечать, где она и когда вернётся.

— Он правильно делает.

— Ты же ему не доверяешь.

— Как мужу — нет. Как вашему папе — доверяю.

Лиза помолчала.

— Он всё время спрашивает, понравилось бы тебе то или это. Даже еду выбирает.

— Пусть выбирает ту, которую будете есть вы.

— Мам, он скучает.

— Я знаю.

Дочь посмотрела внимательнее.

— А ты?

За дверью гримёрной кто-то прошёл. Аня слышала голоса Юли и Джэсона, затем голос Иджуна. Он говорил тихо, но имя узнала сразу.

— Я скучаю по вам, — ответила она.

Лиза не стала переспрашивать. Позвала Мишу обратно. Они ещё десять минут обсуждали выходные, секцию и контрольную. Потом телефон забрал Антон.

— Ты не дома, — сказал он.

— Наблюдательный.

— Там кто-то разговаривает.

— Я в театре.

— На спектакле?

— Уже после.

Антон улыбнулся.

— Ты всё-таки нашла приключения.

Раньше эта фраза прозвучала бы между ними легко. Теперь Аня услышала в ней вопрос, который он не решился задать.

— Мы с Юлей гуляем. Мне пора.

— Ань.

Она подождала.

— Ничего. Отдыхай. Мы справимся.

— Спасибо.

После звонка Аня ещё несколько секунд сидела перед потемневшим экраном. Потом убрала телефон, открыла дверь и увидела Иджуна у противоположной стены. Юля и Джэсон ждали у стойки, господин Им надевал пальто.

Иджун поднял голову.

Аня не знала, сколько он простоял там. Дверь была тонкой, русские слова ничего ему не говорили, но голоса детей он слышал.

Господин Им попрощался, отдал Иджуну связку ключей и указал на выключатели. Перед уходом несколько раз посмотрел на Аню, затем сказал что-то своему бывшему ученику. Иджун ответил коротко. Старик усмехнулся и вышел.

— Что он сказал? — спросила Юля.

Джэсон перевёл:

— Чтобы Иджун не забыл выключить свет и закрыл дверь. Как пятнадцать лет назад.

Иджун снял пальто, положил его на стойку и ослабил ворот рубашки. Взгляд Ани задержался на его руках. Он заметил, но ничего не сказал.

Через переводчик она спросила:

«Вы занимались здесь?»

«С девятнадцати лет. Господин Им готовил меня к первым прослушиваниям».

«И вы тоже опаздывали?»

«Только один раз».

Джэсон, стоявший рядом, сказал по-английски:

— Many times.

Иджун повернулся к нему. Юля рассмеялась.

Внизу снова включили сценические лампы. Иджун показал Ане и Юле старые афиши, узкий коридор за сценой, склад реквизита. Возле одной фотографии остановился сам. На ней он стоял в чёрной футболке среди ещё шести молодых актёров. Худой, коротко остриженный после армии, с синяком под глазом.

— Настоящий? — спросила Аня, коснувшись своего лица.

Иджун понял.

— Real.

Он объяснил через телефон, что на репетиции пропустил удар. Господин Им всё равно заставил доиграть сцену, а потом отвёз его в больницу.

«Вы уже тогда хотели стать актёром?»

«Хотел получить роль. Это было понятнее».

Аня перечитала. Ответ ей понравился больше красивой истории о мечте.

Юля фотографировала афиши и задавала вопросы. Джэсон отвечал на сообщения, то отходя в коридор, то возвращаясь. Через некоторое время Иджун сказал ему что-то по-корейски. Менеджер поднял взгляд.

— Сейчас?

— Сейчас.

Джэсон посмотрел на часы, потом на Юлю.

— Coffee? — предложил он.

Юля перевела взгляд на Иджуна, затем на Аню. Улыбка появилась слишком быстро.

— Конечно.

— Только без глупостей, — тихо попросила Аня.

— Я вообще ничего не делаю.

— Именно это меня и пугает.

Юля надела куртку. Джэсон предупредил Иджуна, что вернётся через сорок минут. Они ушли через фойе. Дверь закрылась.

В театре остались только Аня и Иджун.

Он не сразу подошёл. Снял пиджак, повесил на спинку кресла, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Потом поднялся на сцену и протянул Ане руку.

Она положила ладонь в его. Иджун помог ей подняться, но руку не отпустил. Провёл к краю сцены и сел, опустив ноги в тёмный зал. Аня устроилась рядом. Их плечи почти соприкасались.

Телефоны лежали между ними.

Иджун первым набрал:

«Я ещё раз прошу прощения за опоздание».

«Я понимаю причину».

«Но вы всё равно злитесь».

«Я не люблю, когда моё время считают менее важным».

Он прочитал и ответил не сразу.

«Я так не считаю».

«Тогда предупреждайте. Или пусть предупреждает Джэсон».

Иджун кивнул.

«Предупрежу».

Аня ожидала объяснений, но он не добавил ни одного. Просто принял правило. От этого злость окончательно прошла.

Он спросил о детях. На этот раз не возраст и имена. Что любит Лиза, почему Миша занимается в этой секции, часто ли они остаются с отцом. Аня отвечала, иногда показывала фотографии. Лиза с новой чёлкой. Миша в форме. Оба за столом, заваленным тетрадями. Антон попадал в кадр только частями — плечом, рукой, отражением.

«Он хороший папа», — написала Аня.

Иджун прочитал.

«И плохой муж?»

Она посмотрела на него.

Он не отвёл взгляда.

«Да».

«Почему?»

Вопрос был прямым до невежливости. Возможно, переводчик снова сделал его жёстче, но Иджун не попытался исправить.

Аня набрала:

«У него была другая женщина. Несколько месяцев».

Иджун прочитал. Его пальцы сжались вокруг телефона.

«Вы ушли сразу?»

«Не сразу. Сначала пыталась понять, можно ли жить дальше. Потом поняла».

«Он хочет, чтобы вы вернулись».

«Да».

«А вы не хотите».

«Нет».

Иджун положил телефон на сцену.

— Nobody? — спросил он.

Аня нахмурилась.

Он показал на неё, затем на пустое место рядом.

— Man. Now.

Она поняла и рассмеялась.

— Нет. Никого.

Иджун ждал, пока переводчик подтвердит ответ. Потом откинулся на ладони и посмотрел в зал.

— А у вас? — спросила Аня.

Он повернул голову.

Она повторила его жест: показала на него и на пустое место.

— Woman. Now.

— No.

— Юля утверждает, что знает о вас всё.

Переводчик справился. Иджун усмехнулся.

«Тогда зачем вы спрашиваете?»

«Я ей не во всём верю».

«Правильно».

Он забрал телефон у Ани, чтобы прочитать перевод, и случайно коснулся её пальцев. Она не убрала руку. Иджун задержал её ладонь под своей, затем перевернул и посмотрел на пальцы.

Аня следила за ним.

— Что вы там ищете?

Он не понял. Телефон остался в другой руке, но печатать Иджун не стал. Большим пальцем провёл по центру её ладони, будто вопрос относился к линиям на коже.

Аня подняла свободную руку и коснулась его волос. После укладки они всё ещё держали форму, но у виска выбилась прядь. Она провела пальцами выше, разрушила гладкую линию и улыбнулась.

— Так лучше.

Иджун замер.

Она поправила ещё одну прядь. Он смотрел только на её лицо.

— Что?

— Аня, — произнёс Иджун.

Теперь её имя совсем не было похоже на осторожное «Анна», с которого он начал. Иджун повторил его, глядя ей в глаза.

— Вам нравится моё имя?

Он дождался перевода, кивнул и сказал в третий раз:

— Аня.

Она коснулась пальцем его груди.

— Чха Иджун.

Он сразу покачал головой, приблизился и медленно произнёс своё имя. Аня следила за его губами, повторила. Иджун поправил первый звук.

— Я уверена, что сказала то же самое.

Он не согласился и повторил ещё раз. Со второй попытки Аня заслужила короткое:

— Better.

— К концу поездки я всё-таки научусь.

Иджун прочитал перевод и набрал:

«Завтра продолжим».

Затем написал ещё один вопрос, продолжая держать её руку:

«Вы всегда трогаете мужчин, которых знаете четыре дня?»

Аня прочитала.

«Только тех, кто не умеет пользоваться зеркалом».

Он поднял бровь. Потом коснулся её чёлки.

После целого дня она легла неровно, одна короткая прядь снова упала на лоб. Иджун попробовал убрать её в сторону. Прядь вернулась.

Он повторил. Получилось ещё хуже.

Аня рассмеялась.

— Оставьте. Она всё равно сделает как хочет.

Иджун дождался перевода и снова провёл пальцем по короткой пряди.

«Она смешная».

Аня сразу забрала телефон.

«Смешная?»

Он прочитал её возмущение раньше перевода и улыбнулся.

«Мне нравится».

Аня посмотрела на него поверх экрана. Иджун не отвёл глаз и не убрал руку. Его пальцы скользнули от чёлки к виску, задержались у линии волос.

Аня поправила ворот его рубашки, который загнулся после снятого пиджака.

Иджун медленно выдохнул.

Телефон между ними погас. Он положил Анину ладонь себе на колено и накрыл своей.

Несколько минут они говорили короткими английскими словами. Аня узнала, что первую телевизионную роль ему дали после двенадцати отказов. Что мама хотела для него спокойной профессии и до сих пор смотрит каждую премьеру с выключенным звуком, потому что боится увидеть, как его герой умирает. Что Суён хранит все плохие отзывы и иногда читает их брату, когда он начинает слишком серьёзно относиться к себе.

Аня рассказала, что работает в маркетинге, умеет одновременно разговаривать с клиентом, искать потерянную форму и менять текст на сайте. Что два года откладывала деньги на поездку и несколько раз почти потратила их на более разумные вещи. Что до последнего не верила, что действительно сядет в самолёт.

Иджун спросил:

«Теперь вы жалеете?»

«О чём?»

«Что приехали».

Она посмотрела на их руки.

«Пока нет».

Он сжал её пальцы.

Из фойе донёсся звук открывающейся двери. Иджун сразу повернул голову. Аня подумала, что он отпустит её, но его ладонь осталась на месте.

Вернулись Юля и Джэсон. Они остановились в проходе между рядами. Юля увидела сцепленные руки и улыбнулась, но ничего не сказала.

Джэсон поднял стакан с кофе.

— Forty minutes.

— Я знаю, — ответил Иджун.

Он встал первым и помог подняться Ане. Взял пиджак, надел его, снова протянул ей руку. На этот раз помощь была не нужна. Аня всё равно положила ладонь в его.

Они выключили свет на сцене, прошли за кулисами и поднялись по узкому коридору. В темноте Иджун держал её крепче. В фойе горели все лампы, но руку не выпустил.

Возле двери он спросил через телефон, куда они собираются завтра.

Юля открыла маршрут и показала район старых домов, переулки, несколько кафе и мастерскую. Иджун приблизил карту.

«Во сколько вы будете здесь?»

«После четырёх», — ответила Аня.

«Я приеду».

Она прочитала и покачала головой.

«Там полно людей».

«Я вижу».

«Вас узнают».

«Возможно».

«И после вчерашней публикации вы считаете это разумным?»

Иджун убрал телефон в карман.

— Four, — сказал он.

Аня посмотрела на него.

— Я буду с Юлей.

— I know.

Он открыл дверь, выпустил женщин на улицу и только возле машины наконец отпустил Анину руку.

Юля дождалась, когда Иджун отойдёт к Джэсону, и наклонилась к подруге.

— Ты заметила, что он держал тебя от самой сцены?

— Заметила.

— И?

Аня посмотрела на Иджуна. Он стоял у машины, слушал менеджера и поправлял волосы там, где их трогала она.

— Мне не хотелось забирать руку.

Глава 6

К четырём часам Юля успела сфотографироваться у трёх ворот, двух лестниц и стены, которую снимали в одной дораме меньше минуты.

Аня уже не различала места. Старые дома поднимались по склону, между черепичными крышами появлялись современные окна, за деревянными воротами прятались дворы. На узких улицах расходились туристы, местные жители, девушки в ханбоках и курьеры на мотоциклах. Возле красивых фасадов стояли очереди из желающих сделать одинаковые фотографии.

— Дальше будет мастерская, — сказала Юля. — Потом кафе с террасой.

— Мы там едим или фотографируемся?

— Одно другому не мешает.

Телефон Ани завибрировал.

«Где вы?»

Она отправила геолокацию и убрала телефон. Через минуту пришло новое сообщение.

«Посмотрите назад».

Аня обернулась.

Иджун стоял у витрины через дорогу. Чёрная кепка, маска, короткая куртка без заметных логотипов. Мимо него проходили люди, никто не останавливался. Джэсона рядом не было.

Юля проследила за взглядом Ани и резко вдохнула.

— Только спокойно, — предупредила Аня.

— Я спокойна.

— Ты перестала дышать.

Иджун дождался, когда группа туристов пройдёт между ними, и перешёл дорогу. Сначала кивнул Юле, потом посмотрел на Аню.

Её чёлку весь день трепал ветер. Одна прядь торчала вверх, другая падала на бровь. Иджун коснулся козырька своей кепки, затем показал на её волосы.

— Даже не начинайте, — сказала Аня.

Он не понял слова, но услышал интонацию. Глаза над маской улыбнулись.

Юля быстро поздоровалась по-корейски. Иджун ответил, похвалил произношение и спросил что-то ещё. Подруга выдержала две фразы, затем достала телефон.

— Где Джэсон? — спросила она уже по-английски.

Иджун показал вниз по улице. Чёрная машина стояла за поворотом, менеджер говорил по телефону возле водительской двери.

— Он следит? — уточнила Аня.

Переводчик предложил слово «наблюдает». Иджун прочитал и покачал головой.

«Он работает».

«А вы?»

«Сегодня тоже».

Аня подняла брови.

Иджун дописал:

«Над произношением».

Он попросил Юлю показать план. Она открыла карту, перечислила оставшиеся места. Иджун предложил идти вместе до мастерской. Юля посмотрела на толпу вокруг.

— Это безопасно? — спросила она.

— No, — ответил Джэсон, появившись рядом.

Иджун даже не повернулся к нему.

— Twenty minutes.

— Ten.

— Thirty.

Менеджер сказал длинную фразу по-корейски. Иджун выслушал и поправил маску на лице.

— Как будто это решает всё, — пробормотала Аня.

Джэсон услышал перевод из её телефона и кивнул.

— Yes.

Иджун посмотрел на него с предупреждением, потом жестом предложил идти.

Первые минуты он держался немного позади. Юля рассказывала о домах, о дорамах и владельцах мастерских, Аня иногда оборачивалась. Иджун отвечал на сообщения, опускал телефон, снова смотрел на неё. Несколько раз им навстречу прошли девушки, и он отворачивал лицо к витринам.

На крутом участке улица сузилась. Сверху спускалась группа туристов, снизу поднимался фургон доставки. Люди прижались к стенам. Аня шагнула на край тротуара. Иджун оказался рядом и взял её за руку.

Она вложила ладонь в его руку так естественно, будто они расстались на этом же движении вчера у театра.

Он провёл её между стеной и остановившейся машиной. Фургон проехал, улица снова освободилась. Иджун не отпустил.

Аня посмотрела на их руки.

— Опять?

Он услышал знакомую интонацию, сжал её пальцы и повёл дальше.

Юля шла впереди и старательно не оборачивалась.

У небольшого окна продавали горячие лепёшки. От масла и корицы пахло на всю улицу. Иджун остановился, заказал четыре и одну передал Джэсону. Бумажный стаканчик оказался горячим, начинка обжигала.

— Хотток, — сказала Юля.

Иджун повторил иначе.

Аня попробовала.

Он покачал головой.

— Я ещё ничего не сказала.

Иджун произнёс слово медленно.

— Хотток.

Он снова покачал головой и поправил первый звук.

Аня повторила точно так же, как услышала. Иджун не согласился.

— Всё, — сказала она. — Будет лепёшка.

Юля перевела. Иджун посмотрел на Аню, затем на еду в её руке.

— Hotteok, — повторил упрямо.

— Лепёшка.

— Hotteok.

— Даже не надейтесь.

Его глаза снова улыбнулись. Он снял перчатку зубами, достал телефон и, продолжая держать Аню за руку, набрал:

«До отъезда вы произнесёте правильно».

«Вы потратите все оставшиеся дни на еду и станции?»

«Если понадобится».

Иджун убрал телефон и указал на себя.

— I-jun.

— О нет. Только не снова.

Он произнёс имя медленно. Аня повторила. Иджун поправил её, хотя она опять не услышала никакой разницы.

— Вы пользуетесь тем, что я не могу вас проверить.

Юля перевела. Иджун коснулся пальцами груди, снова произнёс своё имя, потом показал на Аню.

— Аня.

С её именем он не торопился. Повторил его мягко и улыбнулся глазами над маской.

— А у вас задание намного проще, — сказала она.

— Аня, — снова произнёс Иджун.

Они дошли до мастерской позже, чем планировала Юля. В небольшом дворе под навесом делали деревянные печати. На столах лежали заготовки, ножи и листы бумаги. Для посетителей проводили короткое занятие. Юля сразу записала их троих, не спросив Иджуна.

— Он не может, — сказал Джэсон.

— Почему?

— Руки.

Юля посмотрела на пальцы Иджуна.

— Что с ними?

Менеджер объяснил, что завтра снимают крупные планы, а резать дерево острым инструментом перед съёмкой никто ему не разрешит.

Аня уже выбрала заготовку.

— Пусть смотрит.

Иджун понял по жесту и сел рядом. Он держал её сумку, пока она переводила рисунок на дерево, затем забрал фотоаппарат, мешавший наклоняться. Аня вырезала первую линию слишком глубоко. Мастер показал, как развернуть нож. Иджун наблюдал внимательнее, чем она.

— Не командуйте, — предупредила Аня, когда он поднял палец.

Он всё равно показал на неверный угол.

Через двадцать минут печать была готова. На бумаге появилось неровное слово «Сеул» на русском и маленький круг, который должен был изображать хурму.

— Что это? — спросила Юля.

— Хурма.

— Похоже на картошку.

— Я впервые держала нож для дерева.

Иджун сфотографировал оттиск, затем поднял камеру на Аню.

— Не надо.

Он сделал снимок.

— Иджун.

Ещё один.

Аня протянула руку за фотоаппаратом. Он поднял его выше и посмотрел на экран. На фотографии она сидела за низким столом, хмурилась, держала испачканные краской пальцы перед собой. Чёлка снова распалась на короткие пряди.

Иджун увеличил лицо.

— Удалите.

Он покачал головой.

«Почему?» — набрал он.

«У меня ужасные волосы».

«Нет».

Он указал на чёлку и произнёс по-английски:

— I like.

Аня посмотрела на него.

— Вы просто радуетесь, что она выглядит смешнее ваших волос.

Перевод получился достаточно точным. Иджун снял кепку и наклонил голову к ней.

После нескольких часов под тканью волосы примялись с одной стороны и торчали с другой. Аня не удержалась. Провела пальцами от виска вверх, разделила пряди, уложила их назад. Иджун стоял неподвижно, позволяя ей делать всё, что она хотела.

— Теперь лучше.

Она уже собиралась убрать руку, но он поймал её за пальцы и снова надел кепку поверх исправленной причёски.

— Зачем тогда я старалась?

Иджун не отпустил руку.

Юля положила готовую печать в пакет и посмотрела на них. Джэсон тоже заметил, но промолчал.

На улице стало прохладнее. Солнце опустилось за крыши, в витринах зажглись лампы. Иджун шёл рядом с Аней, их руки оставались соединёнными. Несколько раз он отпускал её, когда навстречу попадались большие группы, потом снова находил ладонь.

Возле перекрёстка девушка в школьной форме замедлила шаг.

Сначала посмотрела на Иджуна, затем прошла мимо. Через несколько метров остановилась и обернулась. Телефон уже был у неё в руке.

Джэсон произнёс имя Иджуна.

Тот сразу увидел девушку. Передвинулся так, чтобы закрыть собой Аню, и сказал Юле короткую фразу по-английски:

— Go with him.

— А Аня?

— With me.

Девушка сделала шаг к ним. Иджун повернул в ближайший переулок, увлекая Аню за руку. Он не бежал, но двигался быстро. За спиной Юля громко спросила Джэсона о дороге, тот ответил и повёл её прямо, заслонив обзор.

Аня едва успевала. Фотоаппарат бился о бок. Иджун снял его с её плеча и повесил себе, не замедляя шага.

Они прошли через двор с припаркованными велосипедами, спустились по короткой лестнице и вышли на другую улицу. Там ждала машина.

Иджун открыл дверь, пропустил Аню внутрь и сел следом. Водитель остался за рулём. Джэсон ушёл с Юлей.

Дверь закрылась. Уличный шум стал тише.

— Что происходит? — спросила Аня.

Иджун жестом попросил подождать. Позвонил Джэсону, выслушал ответ. Потом написал Ане:

«Девушка ушла. Она не снимала».

«Почему тогда мы убежали?»

«Потому что через минуту могла начать».

«Вы сами пришли туда, где много людей».

Он прочитал.

«Я хотел пройти с вами по улице».

«И в результате Юля ушла с вашим менеджером, а я снова сижу в машине».

Иджун снял маску и кепку, положил на сиденье. Волосы, которые Аня только что поправляла, снова примялись.

«Вы испугались?»

«Нет. Я рассердилась».

Он кивнул, будто другого ответа и не ожидал.

«На меня?»

«На вас, на эту девушку, на то, что всё меняется за одну секунду».

Иджун посмотрел в окно. Девушка не появилась. По улице шли люди с пакетами, возле кафе включили гирлянду.

«Так бывает».

«Я уже поняла».

«Пока нет».

Аня перечитала последние слова. Они прозвучали неприятнее остальных.

«Тогда объясните».

Иджун набрал несколько строк, стёр, написал короче:

«Если она снимет меня, люди будут искать, кто рядом. Вас найдут быстрее, чем вы думаете. Потом найдут детей и бывшего мужа. Для них это развлечение».

Аня посмотрела на него.

В его лице не осталось улыбки. Он явно говорил о том, что уже видел.

«Поэтому вы не должны были приходить».

«Да».

Честный ответ разозлил ещё сильнее.

«Но пришли».

«Да».

«Зачем?»

Он не стал пользоваться телефоном.

— You, — сказал Иджун и показал на неё.

Аня поняла.

Несколько секунд они молчали. Потом Иджун забрал с пола её фотоаппарат и протянул. Ремень зацепился за его руку. Аня помогла снять, пальцы прошли по запястью. Он снова поймал её ладонь.

Телефон завибрировал. Джэсон написал, что они с Юлей уже в другом квартале и будут ждать дальнейшего сообщения.

Иджун ответил, затем повернулся к Ане.

«Я забронировал место рядом. Там есть отдельный вход. Вы хотите поехать?»

Она прочитала.

«Туда можно с Юлей?»

Он задержал пальцы над экраном.

«Можно. Но я хочу побыть с вами вдвоём».

Аня подняла глаза.

Иджун ждал.

Она написала Юле сама. Та ответила почти мгновенно: «Мы с Джэсоном нашли кафе. Идите. Только пришли адрес».

Аня показала сообщение.

Иджун переслал адрес менеджеру и назвал водителю новый адрес.

* * *

Машина остановилась у стены без вывески. Деревянные ворота открылись после короткого звонка. За ними оказался маленький двор с каменной дорожкой и клёном, листья которого уже покраснели. Свет падал из окон одноэтажного ханока. Женщина в тёмном платье встретила их у входа, поклонилась Иджуну и провела в дальнюю комнату.

За раздвижной дверью стоял низкий стол. На полу лежали подушки, в нише горела лампа. Окно выходило во внутренний двор. С улицы его не было видно.

Аня сняла обувь и едва не потеряла равновесие, когда наступила на край собственного платья. Иджун поддержал её за талию.

— Спасибо.

Он не убрал руку сразу. Провёл ладонью по ткани на спине, помог выпрямиться и только тогда отпустил.

Женщина принесла чай, рисовые пирожные и фрукты. Иджун попросил добавить горячую еду. Пока заказ готовили, они сидели напротив друг друга. Телефоны снова лежали на столе, но после разговора в машине пользоваться ими не хотелось.

Аня коснулась волос Иджуна.

— Всё испортили, — сказала она.

Он наклонился ближе, позволяя поправить пряди. Аня провела пальцами от лба к макушке, пригладила одну сторону, растрепала другую. Иджун следил за ней, не двигаясь.

Потом поднял руку и коснулся её чёлки. Разделил короткие пряди, одну убрал в сторону. Она снова упала на лоб.

— Не получится.

Он улыбнулся.

— Funny.

— Я помню.

Иджун открыл переводчик.

«Я сказал неправильно. Она мне нравится».

«Вы это уже исправили».

«Вы всё равно сердитесь».

«Уже меньше».

Он придвинулся к столу.

«Скажите, чтобы я больше не приходил к вам на улице».

Аня прочитала.

«Я этого не говорила».

«Но так будет безопаснее».

«Тогда решайте сами».

Иджун покачал головой.

«Я спрашиваю вас».

Аня долго смотрела на экран. Потом набрала:

«Я хочу, чтобы вы приходили. Но не хочу каждый раз исчезать, когда кто-то посмотрит внимательнее».

Он прочитал дважды.

«Я не могу обещать второе».

«Я знаю».

Телефон остался в его руке. Иджун положил его рядом, протянул ладонь через стол. Аня вложила свою. Он потянул её ближе.

Между подушками и столом было неудобно двигаться. Аня пересела к нему, поправила платье и оказалась рядом, плечом к плечу. Иджун провёл пальцами по её чёлке, затем ниже, по виску. Его ладонь легла на щёку.

Она снова коснулась его волос. Теперь медленно, зная, как он на это реагирует. Пальцы скользнули к затылку.

Иджун смотрел на её губы. Наклонился, остановился совсем близко.

Аня подалась навстречу.

Первое прикосновение получилось осторожным. Его губы коснулись её губ и задержались. Рука на щеке стала крепче. Аня провела пальцами по волосам у затылка, притянула ближе.

Иджун поцеловал её снова. Уже без осторожности. Второй рукой обнял за талию, развернул к себе. Аня упёрлась ладонью ему в плечо, чтобы не задеть низкий стол, потом перенесла руку на шею.

Телефон соскользнул между подушками. Никто за ним не потянулся.

Иджун отстранился только на несколько сантиметров. Посмотрел на неё, провёл большим пальцем по нижней губе. Чёлка упала Ане на глаза. Он убрал её и тихо засмеялся.

— Вот теперь не трогайте, — предупредила Аня.

Он не понял, но снова поцеловал.

Она придвинулась ещё ближе. Иджун провёл ладонью вдоль спины, остановился на талии. Поцелуй стал глубже. Аня чувствовала, как он сдерживает движение, каждый раз возвращая руку к одному и тому же месту.

Когда они всё-таки отстранились, чай уже перестал дымиться.

Иджун прижался лбом к её виску. Его дыхание ещё не выровнялось. Аня продолжала перебирать волосы на затылке.

— Вам правда так нравится? — спросил он по-английски, коснувшись её руки.

Эту фразу она поняла не полностью. Пришлось взять телефон.

«Вам нравятся мои волосы?»

«Мне нравится, что они сейчас мои».

Перевод показался Ане слишком резким. Она хотела исправить, но Иджун уже прочитал. Его взгляд изменился.

Он забрал телефон, положил на стол экраном вниз и поцеловал её ещё раз.

Еду принесли позже. Женщина постучала и подождала, пока Иджун отодвинется. Аня поправила платье и волосы. Иджун открыл дверь сам, принял поднос и никого не впустил.

Они поели почти остывший рис, суп и мясо. Разговор снова шёл через телефоны, но теперь между фразами Иджун касался её руки, колена, убирал чёлку. Аня поправляла ему волосы, хотя они уже лежали нормально.

Он спросил, сколько дней они проведут в Пусане. Потом сколько на Чеджу. Где забронированы гостиницы, во сколько самолёт. Аня показала маршрут и несколько раз отобрала телефон, когда он начинал изучать брони слишком внимательно.

«Вы собираетесь проверить все наши отели?»

«Теперь да».

«Почему теперь?»

Иджун посмотрел на неё, затем на их руки.

«Потому что раньше я не целовал вас».

Аня прочитала и почувствовала, как снова улыбается.

«Это даёт вам право проверять гостиницы?»

«Да».

«Нет».

Он подвинулся ближе и поцеловал её в висок. Аня покачала головой.

«Так вы меня не убедите».

Иджун прочитал, поцеловал ещё раз — теперь в щёку, совсем рядом с губами.

— Вы даже не стараетесь спорить честно.

Он дождался перевода и ответил:

«Зачем, если это работает?»

В девять вечера Джэсон написал, что они с Юлей ждут возле машины. Иджун попросил ещё двадцать минут. Менеджер ответил одним корейским словом, которое переводчик отказался распознавать.

— Он ругается? — спросила Аня.

— Yes.

— Правильно делает.

Иджун не согласился. Но через двадцать минут всё-таки поднялся. Помог Ане надеть куртку, сам поправил ей ворот, затем снова коснулся чёлки.

— Она вам покоя не даёт.

Он улыбнулся и взял её за руку.

Во дворе стало темно. Красные листья клёна светились под лампой. Перед воротами Иджун остановился и надел маску. Аня поправила волосы под кепкой. Он поймал её руку, прижал на секунду к губам поверх пальцев и только потом открыл ворота.

Юля сидела впереди рядом с Джэсоном. Когда Аня и Иджун устроились на втором ряду, подруга обернулась, посмотрела на них и снова повернулась к дороге.

— Даже спрашивать не будешь? — сказала Аня.

— Нет.

— Почему?

— Потому что у тебя вся чёлка в разные стороны, а Иджун выглядит слишком довольным.

Иджун услышал своё имя и вопросительно посмотрел на Аню. Она не стала переводить.

Машина тронулась. Иджун взял её руку и положил себе на колено. Так и держал до самого хостела.

* * *

После девяти район выглядел иначе. Рестораны были полны, у дверей курили посетители, на дороге сигналили скутеры. Возле магазина двое мужчин громко спорили, один поставил бутылку на подоконник прачечной. Пакеты с мусором заняли половину тротуара.

Джэсон остановился у перекрёстка. Юля вышла первой. Аня потянулась к двери, но Иджун выбрался следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.